ЛЕВ КУЗЬМИН

БАБА ЯГА И ЕЁ ВНУЧКИ ЯГОБАБОЧКИ

ЛЕВ КУЗЬМИН

БАБА ЯГА И ЕЁ ВНУЧКИ ЯГОБАБОЧКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «УРАЛ-ПРЕСС»
ПЕРМЬ

Художник
В. КАДОЧНИКОВ

Редактор
В. ПИРОЖНИКОВ

ISBN 5-86610-028-2

© «Урал-Пресс Лтд», 1993.

ЧУДЕСНЫЙ КОЛОКОЛЬЧИК

БАБА ЯГА И ЕЁ ВНУЧКИ ЯГОБАБОЧКИ

При старой лесной дороге в избушке-поскрипушке жила-поживала Баба Яга.

Жила, на житьё своё не плакалась.

Дорога обочь избушки вилась хотя и лесная, но всё же проезжая. И к Бабе Яге нет-нет, да какой-нибудь щедрый гостенёк и завернёт.

То, глядишь, в удачливый, базарный день купец-молодец тройку здесь остановит, от дорожной пыли-жары передышку сделает, и за эту передышку Баба Яга с него чаем, сахаром, баранками вознаграждение получит.

То на ночь глядя шустрые ребятки-разбойнички в избушку заявятся, и курящая Баба Яга у них крепким табачком разживётся, сделает хороший запас для своей прокоптелой трубочки.

А то вот и на Сивке-бурке, на славном каурке подвернёт к избушке бравый Богатырь-Витязь. Подвернёт, примется расспрашивать Ягу, не знает ли она, где ему поскорей отыскать раскрасавицу Марью-Моревну. И Баба Яга таких наплетёт ему побасенок, такую наобещает удачу, что и Богатырь-Витязь чем-нибудь старуху одарит. Либо каким-никаким платочком, либо заместо серьги запасным колечком для Сивки-буркиной уздечки...

В общем, возле всех этих заезжих да захожих Баба Яга поживала, забот не знала и даже всякую справу да пропитание себе добывать на иной-то манер разучилась совсем.

Ну, а если разучилась, то рано ли, поздно ли — спохватилась.

Сидит как-то раз на крыльце, на скрипучем пороге одна-одинёшенька, из-под ладони на пустую дорогу смотрит:

— Эх! Что-то давненько уж никого нет... Даже колея на дороге стала осинником зарастать... Видно, все мои прежние знакомцы иные пути себе наторили; видно, у них ко мне, Бабе Яге, отчего-то весь антирес пропал! У них антирес ко мне кончился, а у меня — чай, сахар и даже табачок... Трубку теперь хоть сушёными, крошёными мухоморами набивай, так ведь — горько! Ох, горько! И скушно... Ваня-дурачок и тот перестал захаживать, не с кем от печали-тоски раз-другой даже перекинуться в картишки!

И сидит Баба Яга, сокрушается, не знает, как поправить дела на старый лад. Глазками моргает, думает: «Поколдовать бы что ль? Колдовством своим хоть заманить бы к себе пусть и самого никудышного бродяжку-ротозея...»

Но и колдовство у Бабы Яги не получается. Колдовать — напрягаться тоже надо. А за дармовой-то жизнью Баба Яга отвыкла и от любого на́пряга.

И вот она в одиночестве на пороге охает, да тут совсем вдруг неподалёку, за тёмными ёлками, за седыми пихтами раздаётся тоненькое, претоненькое и горестное:

— Ау-у...

Затем ещё «Ау-у...» и ещё.

Баба Яга так и встрепенулась:

— Заблудился кто-то! А если заблудился, то, значит, мне пригодился! Причём голосов там, похоже, не один, а целых два! И оба, слыхать, девчоночьи... Если ж так, то девчонок мне сюда и надобно!

Поначалу кинулась было Яга к деревянной, кряжистой ступе, которая летает сама собой, да вовремя спохватилась, решила притвориться простой старушонкой. Ступу спрятала под крыльцо, побежала в лес на голоса ходом своим.

Бежит, видит: у дремучего пня-вы́воротня стоят с лукошками, полными ягод малины, две не шибко бо́льшенькие девчушки. Стоят, на все стороны смотрят испуганно.

Яга к ним из-за густых ёлок крадучись выходит,

этаким ласковым, участливым голосочком говорит:

— Заплутали, миленькие? К дому дорогу потеряли?

Девчушки, несмотря на то, что Яга косматая, страшноватая, так к ней и кинулись:

— Ох, бабулечка, потеряли! Ой, пропадаем! Кружим, кружим, не знаем, в какую сторону податься! Если можешь, выручи нас, а то мы тут, в глухомани, так и погинем!

— Не погинете, не погинете... — ещё ласковее утешает Баба Яга.— Поначалу идёмте ко мне в избушку, там и разберёмся, что делать, как быть.

Девчушки, долго не думая, за Бабой Ягой вприпрыжку припустились. Даже за сарафан её держатся. Одни-то в дебрях лесных они такого страха натерпелись, что Баба Яга им теперь кажется чуть ли не родной мамушкой.

А в избушке притворством своим Баба Яга их с толку сбила ещё больше.

Разогрела медный, давно не чищенный самовар, поставила на стол, приглашает к нему девчушек, сама рядом садится.

Рукой подперлась, говорит жалостно:

— Я старушка бедным-бедная. Чаю, сахару, баранок у меня нету... Один голый кипяток... А вы, должно, голоднёхоньки...

Девчушки отзываются дружно:

— Ничего, бабушка, ничего! Мы кипяточком нашей малины заварим, сами этой заваркой подкрепимся и тебя угостим!

Насыпали они из лукошек в чайные чашки малины, заварили кипятком, давай прихлёбывать, пить да Бабу Ягу угощать.

Старуха от вкусной, горячей заварки разрумянилась, захотела, как бывало, подымить трубочкой.

Полезла за трубкой в карман юбки, да вспомнила: табаку у неё — тоже ни крошки.

И тут принялась девчонок оплетать совсем.

— Вам,— говорит,— надо, милушки, выбраться из леса, а мне надо выбиться из бедности. И в этом деле вы могли бы мне скоренько подсобить!

— Как это? — удивились девчушки. — Ну как?

— А вот как... Перестали ко мне заглядывать мои прежние знакомцы-кормильцы. Пропал у них ко мне былой антирес. Вы же этот антирес могли бы подновить куда как славно!

— Чем?! — изумились девчушки.

— А вот устройте у меня тут пляс-перепляс! И, глядишь, на такое веселье все мои прежние приятели опять и соберутся. Да мало того, что соберутся, — завалят меня и вас гостинцами, подарками.

— Ой, бабушка! — отнекиваются девчушки. — Ой, бабулечка! Мы у чужих-то плясать стесняемся.

— Почему «у чужих»? — стоит на своём Баба Яга. — Я вас нашла, спасла; вы меня вот уже сколько раз бабулечкой повеличали, стало быть, вы мне тоже теперь совсем как внученьки! Внученьки — Ягобабочки! Мы так прямо и объявим везде: «В избушке-поскрипушке Ягобабочки пляшут! Молоденькие, хорошенькие!» Я сама с вами спляшу, настоящую выходку покажу... А с объявлением пошлём Сороку-трескотуху, она близь и даль облетит, она всем, кому надо, антиресную новость растрещит в два счёта!

Девчушки, как заслышали, что старуха их Ягобабочками назвала, так тут и поняли, у кого они очутились.

— Ой, что ты, Бабка Яга! Ой, что ты! Нам домой надо!

И тогда Баба Яга сказала голосом не умильным, а голосом строгим-престрогим:

— Домой вам без меня не попасть! Даже вот по этой, по здешней дороге! Дорога мною заколдована. Кто по ней без меня пойдёт, тот всё равно обратно в избушку уткнётся. Так что — воля вам выйдет только после пляса-перепляса!

Ну, а девчушки ведь не знали, что колдовать Яга давным-давно разучилась, и отошли они в уголок, шепчутся:

— Как поступить? Что нам делать?

— А, наверное, придётся немножечко побыть в Ягобабочках... Потом, глядишь, Яга смилуется, проводит нас к дому.

— Вряд ли смилуется... Вряд ли проводит...

— Ну, тогда, возможно, нас выручит кто из гостей, которых наприглашает сюда Сорока.

— Вряд ли и это... Но всё же станем надеяться!

Девчушки шушукаются, а Баба Яга тем временем с крыльца, со ступенек даёт срочный наказ давней своей прислужнице Сороке-трескотухе:

— Облети близь и даль, оповести всех наших прежних знакомцев: есть, мол, нынче в избушке-поскрипушке на что антиресное взглянуть!

Сорока хохочет:

— Ты одно слово говоришь неверно! Надо говорить не «антиресное», а «интересное»!

Яга сердится:

— Больно ты грамотная стала! И вольная слишком... Давай, знай, лети!

Сорока с кривой избяной крыши снялась, полетела исполнять поручение. А Яга к себе вернулась, давай растапливать печку.

Девчушки старухе теперь почти ни в чём не верят, спрашивают с опаской:

— К чему печку-то разжигаешь? Ведь теплынь... Лето... А варить тебе, сама говорила, нéчего...

— А для гостей! — отвечает Баба Яга. — Для гостей! Хороший гость, как известно, любит заходить ещё и на огонёк. Я даже к этому случаю придумала подходящую запевку. Вот, слушайте!

Яга схватила с печного шестка чугунную сковороду, железный сковородник, принялась по сковороде бить, греметь сковородником, под грохот-гром прыгать, кричать:

— Эй, гость-гостенёк,
Заходи на огонёк!
Тут за горсть табака
Спляшет Бабка Яга,
А за чай-бараночки
Попляшут Ягобабочки!
Ух-ух! Ух-ух!
Ух-ух! Ух-ух!

Откричала, отстучала Яга, перевела дух, объяснила:

— Под мою запевку и вы будете к гостям выходить... А ежели упрётесь, то сковороду на огне, на самом жару нагрею, да и вас огрею! Поняли?

Девчушкам деваться некуда, головёнками кивают: «Поняли, поняли...»

Тут близко от избушки конь заржал. Яга на порог выскочила,— у крыльца на Сивке-бурке Богатырь-Витязь.

Девчонки его тоже сквозь дверную щель видят, тихонько радуются:

— Вот этот нас и выручит!

А Яга хотела было в сковороду грянуть, свою запевку-зазывалку пропеть, да Богатырь-Витязь говорит:

— Не суетись! Постой! Объясни прямо, о чём таком твоя посланница Сорока трещит везде? Что у тебя тут за новый интерес?

Ну, а Баба Яга ему и глазком левым подмигивает, и рукой на дверь избушки указывает, объясняет с развесёлою улыбочкой:

— У меня там — хоро-о-шенькие Ягобабочки!

— Тьфу ты!— так и мотнул досадливо головою Богатырь-Витязь.— А я-то думал, нашлась моя Марья-Моревна... В который раз ты меня, Яга, надуваешь! Смотри, вдругоряд попотчую плёточкой!

Крутнул он, щёлкнул витою плёточкой, Сивка-бурка под ним взвился, и Богатырь-Витязь пропал за елями, за дорожным поворотом.

Тут, всего миг спустя, бубенцы гремят. Подкатывает к избушке на удалой тройке прежний Бабы Яги доброхот, купец-молодец.

Баба Яга вопросов теперь не ждёт, с крыльца, со ступенек зазывает купца во весь голос:

— Эй, гость-гостенёк,
Загляни на огонёк!
Тут за горсть табака
Пляшет Бабка Яга,
А за чай-бараночки
Спляшут Ягобабочки!

Горланит Баба Яга, шумит, а девчушки, глядя в щёлку на купца, вновь надеются:

— Ну, этот-то нас из плена, из неволи уж наверняка выкупит!

Купец же тройку придержал, Ягу выслушал, засмеялся:

— Твой собственный пляс, Яга, мне не надобен! А вот Ягобабочки — это расчуде-е-сно... Ягобабочек я ещё не видывал никогда. Покажи мне их, выведи на крылечко.

Баба Яга и нос задрала, и головой в сторону повела:

— Нет и нет... Вылазь из кареты, заходи сам! Да прихвати с собой табачку, чая, сахара, баранок.

Купец ладонями разводит:

— Так ведь я нынче — не с базара, а ещё только на базар. Это меня с пути-дороги твоя Сорока-трескотуха сбила... И чая, сахара я купить не успел. А с табачком не вожусь вóвсе. Я, бабка, некурящий!

— Ну! — обиделась старуха. — Ну, тогда, некурящий, ничего не дарящий, на обратном пути Ягобабочек и посмотришь. А задарма они не пляшут!

— Стало быть, ты тоже теперь вроде как деловая? Что ж! Прибыли тебе, успеха да богатства! — засмеялся опять купец, да и понукнул коней.

Тройка бубенцами звякнула, сорвалась с места, унесла за собой купца в карете.

— Э-эх! — сказала Баба Яга. — Осталась у меня одна-единственная надёжа — мои самолучшие знакомцы, ребятки-разбойнички... Они хоть и пешие, но прыткие! Они всё равно сюда припожалуют.

Что верно, то верно. На дороге раздаются свист, смех, галдёж. Валят к избушке гурьбою ребятки-разбойнички. По-за ними тянется и Ваня-дурачок в красной рубахе. Где и как он к разбойничкам пристроился, — не известно. Должно быть, пристал по пути. От Вани особой корысти Бабе Яге ждать нéчего, а вот, завидя разбойничков, она так и прыгает.

Прыгает, выпевает:

— Ах, ребятки-гостенёчки,
Голубые голубо́чки,
Тут за горсть табака
Вам спляшет Бабка Яга,
А если есть подарочки,
Станцуют Ягобабочки!

Разбойнички галдят:

— Е-есть! У нас всё есть! Открывай, ба́ушка, шире дверь!

И лезут в избу толпой. И пока они толкались, в узкие, низкие двери пробивались, девчушки от такого шума-нашествия спрятались в самый тёмный угол за печку.

Баба Яга их укрытие сразу приметила, да ничего пока не сказала.

Разбойнички расселись вокруг стола, по столешнице кулаками стучат, требуют:

— Показывай, бабка, пляс! Показывай и своих Ягобабочек!

— Нет уж! — говорит таким давнишним приятелям своим совсем смело Баба Яга. — Нет уж! Сначала сыпьте на стол табак. А то я без него истомилась вконец... И пока табачка нету, не будет ни пляса, ни Ягобабочек.

— И это — резон! И мы с тобой закурим для начала! — говорят разбойнички. И каждый сыплет на стол по горсти табака, каждый вертит для себя папироску-самокрутку, а Яга быстро-быстро, даже руки дрожат, набивает трубочку.

Потом она сама и все ребятки-разбойнички от огня, от печки прикурили, и так дружно да густо задымили, что девчушки за печкой чихать, кашлять начали.

— Во! — говорят разбойнички Яге. — Теперь знаем, где у тебя Ягобабочки-то спрятаны. Выпускай их оттуда, пусть пляшут!

— Сейчас, сейчас... — говорит Баба Яга, сама всё дымит.

— Сейчас, сейчас... — а сама всё накуриться не может.

Наконец в голове у неё от дыма-табака всё колесом пошло, по половицам она тоже кругами заходила, но чугунную сковороду на печном шестке всё ж нашарила, на огне нагрела, показывает её девчушкам:

— Выходите, пляшите, не то — ух!

Ну, а горячей-то сковороды кто не испугается? Испугались и девчушки. Из-за печки выскочили, принялись как попало плясать. Яга сковородой машет, плясуньям подкрикивает всё «ух» да «ух» ! От курева она запевку вспомнить не может, только, знай, твердит разбойничкам:

— Ребятки! С вас теперь подарочки! С вас, окромя табачку, ещё и подарочки!

Да ребяткам — что? Ребятки и такой потехе рады! Табаком дымят, по карманам своим шарят, выкладывают неизвестно как и где добытые монетки-денежки. Хлопают их на стол: «Вот, говорят, заместо подарочков!» И машут девчушкам, под пляс их орут:

— Ай, жги, жги, жги! Ай, жги, жги, жги!

Весело в избушке разбойничкам, весело Бабе Яге.

Не очень-то улыбаются только сами плясуньи да совсем приуныл у порога, у дверного косяка Ваня-дурачок. На него, тихого, никто поначалу и не глядел, но вдруг Баба Яга на Ваню этак искоса уставилась:

— Ты чего, дурак, не радуешься? Чего стоишь, слёзы утираешь? Тебе ведь тут пляшут безо всяких подарков, задарма.

— Это я от дыму... — отвечает Ваня. — Мне дымом глаза наело. Пойду на крыльцо, чуть-чуть продышусь.

И дверь приотворил, девчушкам как бы нечаянно головой махнул: «Вы, мол, тоже как-нибудь выбирайтесь на крыльцо. Я вас обожду там...»

Девчушки всё поняли, но пока — пляшут. Разбойнички «Ай, жги!» — кричат, Баба Яга — ухает. Наконец она устала, плюхнулась на скамейку, сгребла на столе в кучу монетки-денежки, принялась их считать.

Разбойнички смеются:

— Вы нам ещё чего-нибудь весёленькое покажьте... А серебряных кругляшков мы тоже добавим!

Девчушки этак дружно закланялись, закивали, вроде как с интересом к столу привалились, крышку пошатнули, монетки — звяк да звяк! — покатились, посыпались на пол.

Баба Яга, кряхтя и бранясь, полезла за ними под стол.

Девчушки вместо Яги разбойничкам сами говорят:

— Покажем вам весёленькое, покажем непременно... Только перед новым-то выступлением разрешите нам тоже чуть-чуть хлебнуть на крылечке свежего воздуха.

Разбойнички их за настоящих Ягобабочек, за Ягининых внучек принимают, совершенно спокойно говорят:

— Дышите! Пожалуйста! Да только поскорей.

— Мы мигом! — отвечают девчушки, и пока Баба Яга шарится под столом, они — прыг-скок! — да и за порог.

Ваня у крыльца внизу стоит, их ждёт не дождётся.

Девчушки к нему:

— Зачем звал? Отчего в избе плакал?

— По вас я плакал! — отвечает Ваня. — Ведь я вас признал. Вы Дашенька да Машенька из деревни Крашенка. Мне и родители ваши известны. Они — люди честные, добрые, а вы удумали водиться с такой бессовестной компанией. Да ещё перед ней плясать! Если б матушка с батюшкой вас тут увидели, они бы залились слезами горше, чем я.

— Ой, Ваня! — заплакали сами девчушки. — Мы здесь не по своей воле! Мы здесь по обману да по заблуждению.

— Ну, если так... — говорит Ваня, — ну, если по заблуждению, то айдате домой. Я вас выручу.

— Как, чем ты нас выручишь? Ты ведь — дурачок!

А Ваня, несмотря на поспешность, даже улыбнулся:

— Это я для тех дурачок, кто меня сам дурней.

Но девчушки и Ване всё ещё не доверяют, и трусят, на избушку оглядываются:

— Если мы с тобой побежим, то Баба Яга нас всё равно догонит... Как только из-под стола вылезет, так и догонит!

— Не́ на чем ей будет за нами гнаться... — говорит Ваня. — Мы в её догонятельное приспособление усядемся сами.

И вытаскивает из-под крыльца избушки долблёную ступу — колоду, которая у Бабы Яги летает сама собой. Да ещё и метлу Ваня прихватил.

— Не мешкайте! Садитесь! — командует девчушкам и вслед за ними сам в ступу влез.

— Ой! Лукошки мы наши позабыли! — спохватились девчушки, а Ваня спешит:

— Теперь не до них... Я вам новые изготовлю, подарю.

И взмахнул он метлой, и деревянная ступа поскакала, подпрыгнула, поднялась над избушкой, над тёмным лесом.

Ступа летит, Ваня метлой полёт направляет, девчушки от нового страха глаза крепко прижмурили.

Когда же глядеть насмелились, то увидели внизу, близко, свою деревеньку Крашенку.

И тут Ваню просят:

— Ванечка, милый, ты в самую-то деревеньку на ступе не залетай. Не то наши девчонки деревенские как ступу завидят, так и впрямь обзовут нас Ягобабочками!

— Хорошо...— говорит Ваня. И приземлил он ступу от деревеньки чуть в стороне. И оттуда Маша с Дашей домчались до родного дома своим ходом.

А на расставанье они Ване сказали:

— Во-первых, не забывай, Ваня, к нам в гости даже и без новых, обещанных лукошек заходить... А во-вторых, ступу-то Бабе Яге надо бы как-то всё ж вернуть. Иначе получается: мы тоже вроде бы как бы немножко бессовестные...

На это Ваня ответил:

— Будет исполнено! Ступу вернуть легче лёгкого. Её лишь направить метлой туда, куда надо, и она улетит сама собой. А в гости я к вам приду всё-таки с лукошками. С новыми да расписными. Ведь если дурак что пообещал, то и должно свершиться въявь!

На том Маша, Даша с Ваней-дурачком временно и расстались.

А что было после в избушке-поскрипушке, рассказывать, наверное, и незачем.

Хотя почему же — незачем? Ведь, должно быть, всем охота знать, как стала Баба Яга теперь без Ягобабочек поживать.

А поживать она стала сперва очень трудно.

Разбойничий табачок кончился быстро, денежки она, слетавши в ступе раза два на базар, издержала ещё быстрей. И вот сидит снова одна-одинёшенька, из горячего самовара пустого кипяточку себе наливает, про себя вздыхает:

— Что дальше делать?

И тут увидела позабытые в уголке лукошки девчушек. Увидела, затылок почесала, говорит:

— Сколь умом ни крути, а никакого иного антиресу мне теперь не придумать, как самóй ягоды в эти лукошки собирать! Собирать да ими торговать... Благо, малины-то вокруг избушки в лесу видимо-невидимо!

Как решила, так и поступила. Наберёт ягод полные лукошки, сядет в ступу, к торговому селу поближе подлетит, ступу спрячет в кустах и шагает к базарным рядам. Лукошки с ароматным товаром там выставит на самом на виду и цену за свой товар назначает маленько подешевле, чем у ягодников прочих.

И торг у неё идёт на славу!

И сама она от удачи, да от того, что курево забросила, так вся и улыбается, так вся и светится румянцем. И на базаре никто её Бабой Ягой не зовёт, а все называют именем другим.

Называют так, как окрестил её нынче тот знакомый купец-молодец. Увидел он её со сладким товаром-малиной, увидел, какая она вдруг стала приветливая, вальяжная, да и сам шляпу перед ней приподнял. Приподнял, поклонился и на весь базар громко сказал:

— Ну, теперь ты у нас никакая не Баба Яга, теперь ты у нас — Баба Ягодка!

НА ВОЛЬНОМ ПРОСТОРЕ

В деревеньке под названием Тёплые Лопушки жила-была вместе с родителями девочка Ма́нюшка.

Родители от зари до зари в поле работали, а Манюшка с братцем нянчилась. Братца звали Егоркой, и был он совсем маленький. Он ещё ни ходить, ни разговаривать не умел.

Манюшка по утру кашей с молоком его накормит, щёки ему ладошкой утрёт, а потом из высокой люльки кое-как, через край, вытащит и обязательно скажет:

— Ну и тяжеленный ты у нас! Прямо не Егорка, а Пуд Иванович... Пойдём-ка, пойдём, Пуд Иванович, на солнышко.

И вынесет Егорку во двор, усадит там у крыльца на мягкую траву-мураву:

— Дальше мне тебя не унести. Здесь погуляем, как мама наказывала.

Да только что это за гулянье: всё во дворе да во дворе, каждый день на одном месте! Егорке, пока он маленький, конечно, и тут не худо, а вот Манюшке — скучно. Ей дальше охота. На улицу, за деревню. На весь на вольный простор.

И всё думала она, как бы сделать так, чтобы её желание сбылось. И вспомнила про деревянную тележку. В той тележке Манюшку самою когда-то отец с матерью катали, и она тележку под крыльцом нашла, пыль с неё смела, усадила тяжёленького Егорку в крепкий кузовок:

— Теперь нам обоим хорошо! Теперь я будто лошадка, а ты будто кучер. Поехали!

И они поехали.

Катится тележка по улице, самодельные колёсики скрип да скрип, белая голова Егорки над кузовком торчит.

А деревенские люди, старые да малые, те, которые и в добрую и в худую погоду завсегда дома,— из окошек смотрят, кричат Манюшке:

— Ты куда это наладилась? Завёртывай с братцем к нам.

А Манюшка отвечает:

— Нет! В доме-то мы и во своём насиделись. Мы поехали за деревню, за околицу, на весь на вольный простор.

Тогда старые люди принимаются пугать:

— Худо сейчас за околицей, за деревней. Там жара, тишь и никого нету. Там только страшная птица-полу́дница летает, она вас утащит.

А Манюшка и опять машет рукой:

— Не утащит. Мы с Егоркой не боимся никого, мы — бедовые сами!

И вот они едут всё дальше и дальше. Деревенька Тёплые Лопушки за колосьями ржи скрылась, густая рожь повдоль пыльной дороги стеной стоит, не колышется, и никого кругом нет.

Не видать в знойном небе и страшной птицы-полу́дницы.

— Зря нас, Егорка, пугали. Сейчас вот проедем немного, и начнётся вольный простор. Я знаю, мне отец сказывал.

И тут рожь ушла в одну сторону, дорога — в другую сторону, и очутились они на зелёной лужайке, на высокой горушке.

Далеко внизу темнеет меж кустов речной омуток, в нём быстрые молнии рыбок, а за этим омутком, за речкой такое луговое раздолье, что захватывает дух.

— Вот туда нам, под горушку, за речку, и надо бы,— говорит братцу Манюшка,— да боюсь, мне тебя обратно кверху не вкатить... Только нам ведь неплохо и тут!

Что правда, то правда. Над речкой на лужайке, на высокой горушке, весело, свежо. Под тележкой у Егорки кузнечики гремят. Почти по-над самой землёй береговые лас-

точки вьются. С цветочка на цветок перелётывают мотыльки.

А цветы — жёлтые купавки, клевер малиновый, синие колокольчики — такие яркие, что маленький Егорка лишь завидел их, так сразу в кузовке своём радостно и заподпрыгивал.

— Потерпи! — сказала Манюшка. — Потерпи чуть-чуть! Колокольчики тебе ни к чему, ты их в рот потянешь, а лучше я тебе насобираю земляники. По ополью, по траве она, смотри, какая крупнющая.

И Манюшка стала собирать спелую землянику. Правой рукой берёт, в левую пригоршню складывает.

Складывает и на братца оглядывается. А как новую ягодку в высокой траве заметит, то сорвёт её и ласково крикнет:

— Ау, Егорка, ау! Не бойся, я тут.

Егорка думает, что это сестричка затеяла с ним такую игру в прятки, сам у себя в кузовке подпрыгивает ещё пуще, сам пробует тоже сказать:

— Агу-у... Агу-у...

И вот отходит Манюшка шаг за шагом всё дальше, на братца оглядывается всё реже, лишь голос ему подаёт да слушает, как он «Агу!» отвечает. А когда алых ягод набрала полную горсть, то снова аукнула и — ответа вдруг не услышала.

Опять аукнула и — опять не услышала.

«Заснул, что ли?» — подумала Манюшка и выглянула из травы.

А как выглянула, так ягоды из горсти у неё все на землю и просыпались.

Нет на том месте тележки с кузовком, нет на том месте братца Егорки — отвечать там Манюшке некому.

«Неужто птица-полу́дница пронеслась?» — обмерла Манюшка и кинулась туда, где только что стояла тележка.

Но стояла-то она раньше на краю лужайки, над омутком, над речкой, и когда Манюшка заглянула вниз, то и совсем заплакала:

— Ой, да что это я наделала!
Ой, сама я во всём виноватая!
Без пригляда оставила братика,
И, видать, покачнулся с тележкой он,
Да и съехал под горочку в реченьку...
Вон и прямо следок в омуток,
И волна оплеснула песок!

Сбежала Манюшка на этот песок, встала на колени, смотрит в воду.

А там, под водой, и следа уж нет, там только играют меж чистых камушков пескарики да усатый рак куда-то не торопясь ползёт.

— Рак, рак! — позвала горестно Манюшка. — Куда девалась тележка с братцем? Сползай туда, где поглубже. Посмотри, нет ли там Егорки...

Хмурый рак и усами не повёл, пополз дальше по своему делу.

— Пескарики, пескарики! — взмолилась Манюшка. — Занырните вы на самую глубину! Поищите братца!

А пескарикам хоть бы что, играют себе, меж камешков в светлой воде вьются, будто не слышат.

Тогда Манюшка всей речке кричит, просит её, уговаривает:

— Расплеснись, речка, на две стороны! Верни мне Егорку! Я тебе за него что хочешь отдам!

Но и речка молчит. Бежит она, меж ракитовых кустов струится и даже в ответ не плеснёт уж волною.

И не знает Манюшка, что делать теперь. Села на песок, слёзы платком утирает, кается:

— Плохо я за братиком смотрела, ухаживала плохо. Даже Пудом Иванычем обзывала... Вернись он теперь, я бы его и с рук не спустила, как бы мне ни было тяжелёхонько... Да поздно теперь каяться. Видно, придётся мне и самой в речку нырять.

И только она так сказала, только поднялась, чтобы в речку зайти, а сверху, с ракиты, вдруг голос раздаётся:

— Не выдумывай, не выдумывай! Нé к чему... Не утонул

твой Егорка. Говори скорей, что за него дашь. Что речке за него обещала?

И спрыгнула на песок перед Манюшкой Сорока-Белобока, Длинный хвост, Хитрые глаза.

— Что дашь? Что дашь? Говори быстрей!

— Да всё отдам! Всё! — обрадовалась Манюшка. — Если хочешь, в няньки к твоим сорочатам пойду!

— Нянька нам не нужна, — стрекочет Сорока, — мои ребятки давно по лесу разлетелись. Подари мне лучше платок. Я стара становлюсь, мне солнцем голову напекает.

— Бери! — торопится Манюшка. — Бери, да сказывай про Егорку. Где он?

— А вон там... — показывает крылом Сорока. — Плывёт вниз по речке, как на кораблике, в своей деревянной тележке. Если не догонишь, в море унесёт.

Охнула Манюшка, помчалась по берегу. Сорока платок на голову повязала, впереди Манюшки летит, путь указывает.

Да только Сороке по воздуху — легко, а Манюшке по земле плохо. На пути буераки, шиповник, крапива.

Изожглась она вся, искололась на бегу, а быстрой речки ей всё равно не перегнать.

И опять заплакала было Манюшка, да тут на пути жаркий малинник, из малинника Медведица вылезает. Большая, косматая, вся пасть измазана ягодами.

Манюшка и перепугаться не успела, Сорока сразу к Медведице:

— Выручи, выручи! Помоги речку обогнать. Манюшка тебя чем-нибудь отдарит.

— Чем? — проворчала Медведица. — Я у неё ничего не вижу.

— А передничек? — говорит Манюшка. — Хочешь, передник свой подарю?

Взяла Медведица передник, не спеша примерила, говорит:

— Мал!

А потом подумала, подумала, за ухом почесала, опять подумала, да и согласилась:

— Ладно. Сойдёт. Я его дочке Малашке отнесу, ей передничек придётся впору. Садись, Манюшка, верхом, поскакали обгонять речку.

Села Манюшка на Медведицу, ухватилась за нечёсаный загривок, и понеслись они вдоль берега по кустам, по чащобам, по буеракам так быстро, что Сорока погналась, погналась было за ними, да и опустилась на ёлку, протрещала вслед:

— Дальше одни скачите! Мне невмочь.

Косолапая Медведица ломится через лес, Манюшка пригибается, чтобы её сучками не сшибло, всё поглядывает туда, где за тёмными деревьями речка блестит, и всё просит:

— Скорей! Скорей! А то Егорка в синее океан-море уплывёт.

И вот лес кончился, впереди опять просторные луга, а речка разлилась таким широким плёсом, что почти не видно второго берега. Но виднеется там, на самой середине, светлое пятнышко, и похоже, что это Егоркин кораблик-тележка и есть.

— Матушка Медведица,— просит Манюшка,— ты меня сквозь чащи лесные пронесла, через овраги перенесла, так перенеси и на середину речки. Помоги пригнать Егоркин кораблик к берегу.

— Нет. Всё. Уморилась!— отвечает Медведица.— Поплетусь к дочке Малашке, понесу ей передник. Дальше за подмогой обращайся к дядюшке Журавлю. Вон он, долговязый, востроносый, расхаживает по лугу во своём сером да окоротелом пиджачишке.

Манюшка ёжится:

— Очень с виду строгий он... Его просить — новые подарки дарить, а у меня больше ничего не осталось. Только вот это платьишко, да и то штопаное.

— Подарков нет — поклонись пониже!— буркнула Медведица и устало побрела в лес.

Подбежала Манюшка к Журавлю, поклонилась низко:

— Дяденька Журавль, нет у меня подарков, да всё равно выслушай! Глянь скорее вдаль на речку, там моего братика Егорку в море уносит...

Не успела она и досказать, Серый Журавль-Долгие ноги-Вострый нос мигом со своей высоты глянул вдаль на речку и закурлыкал:

— Курлы-курлы! Караул! Где вы, мои ребята-журавлята? Скорей! Сюда! Надо мальчика Егорку выручать!

Взмахнул Журавль сильными крыльями, взлетел над всем голубым простором. К нему, откуда ни возьмись, два серых журавлёнка пристроились. И они полетели на середину речного плёса спасать Егорку.

Полетели, подцепили кораблик-тележку за края, да и к берегу причалили.

Сидит там Егорка живёхонек, здоровёхонек, знай себе агукает, смеётся, а Манюшка не знает, что и делать от радости. То ли братца обнимать, то ли Журавля благодарить. Кланяется она ему опять до земли, кланяется и журавлятам, просит прощения, что нет у неё подарков.

А журавлята свои серые, окоротелые пиджачишки одёргивают, сами радуются, прыгают, кричат:

— Да ты что? Да какие такие подарки, когда братец в море уплывает... Ничего нам, Манюшка, не надо, и кланяться нам не надо, мы сейчас тебя ещё и проводим домой!

И они помогли Манюшке докатить братца до самой деревни Тёплые Лопушки, а там уж — переполох! Родители с поля, с работы вернулись — волнуются. Вся деревня волнуется. А как только завидели на дороге братца в тележке, да Манюшку, да её долгоногих, крылатых помощников, так тут все и бросились к ним.

Мать с отцом даже браниться не стали. Схватили Егорку, давай по очереди целовать его да тетёшкать, а старые да малые деревенские жители обступили Манюшку:

— Ну, как? Побывала на всём на просторе? Повидала вольный свет? Каков он?

И Манюшка засмеялась, и ответила:

— Повидала, повидала... Он большой-пребольшой, но пугаться в нём нечего. Он — добрый!

И показала на тех, в сереньких, коротких пиджачишках журавлят, которые в беде ей помогли, да ничего за эту помощь с неё не потребовали.

ДЕВУШКА-ЕЛЬ

Беда у девушки случилась: умерли почти в одночасье её старые мать и отец.

Распрощалась девушка с ними, затосковала крепко: «Как дальше быть? Ведь после батюшки, матушки у меня братиков, сестёр и тех нету... И выходит, не нужна я теперь никому, да и мне самóй жить-стараться больше не для кого!»

И вот она вздыхает, и вот она горюет. И так в печали своей замкнулась, что ни друзей, ни подруг, ни соседей в деревне почти не замечает, а всё бродит за дворами, за гуменниками в полном одиночестве.

И бродила она так, бродила, да и забрела в сумерках поздним вечером на полянку в лес.

А там — тишина, а там — покой. Там лишь высоко над тёмными деревьями горят предночные звёзды да снизу по траве расстилается белый туман.

Встала девушка посреди этой поляны, поглядела, как мягко туман к самым ногам её ластится, послушала здешнюю тишь и вслух прошептала:

— Вот тут бы мне какой-нибудь ёлочкой навсегда и остаться...

Прошептала, прежнее своё повторила:

— Всё равно я не нужна никому. Всё равно мне, девушке, больше жить не для кого.

И только она проговорила это, как вдруг белый туман-то всколыхнулся весь,— из тумана на девушку тёмными, колдовскими глазами смотрит Лесной Дух.

Смотрит не грозно, смотрит участливо, седою головою качает:

— Ой ли? Надо ли тебе в ёлочку обращаться? Смотри, не раскаешься ли потом?

А девушка в расстройстве безутешном Лесного Духа не страшится, девушка говорит:

— Надо! Надо мне стать ёлочкой! И в этом я, нет, не раскаюсь.

И привзмахнул тогда Лесной Дух рукавом туманным, шевельнул бровями лохматыми, сказал тихо:

— Быть по-твоему... Но сначала, девушка, ус-с-сни, ус-с-сни...

И девушка как стояла, так и заснула. А когда проснулась, то видит вокруг себя прежнюю полянку, только полянка эта вся оплёснута теперь утренним, ясным солнышком.

На полянке цветы раскрылись. В траве светлая роса переливается. И девушка про себя, молча, удивилась: «Надо же, какой мне приснился сон...»

И хотела девушка по росе, по траве к дому, к деревне направиться, да вдруг чувствует — ей и одного шага не шагнуть!

Шевельнуться под ветерком она слегка может, а ступить ей ни влево, ни вправо уже нельзя. И поняла девушка, что тот сон её был не сон, что она в самом деле стала зелёной Елью.

Поняла, но и опять не испугалась. Про себя даже подумала: «Вот и хорошо... Вот и буду свой век вековать, буду горе своё горевать здесь в тихом, лесном одиночестве...»

И стоит она, под горячим солнышком дремлет, и ей вроде как становится всё спокойней да спокойней.

Но тут на поляну хмурая тень наплыла, в небе чёрная туча зарокотала, во всю поляну полыхнула молния и заплескал по цветам, по травам проливной дождь.

Выскочил из травы маленький зайчонок. Не знает с перепуга, куда деваться. Ливень его поливает, гром над ним грохочет, зайчик от быстрых молний мечется туда-сюда.

А Девушка-Ель смотрит на него, думает: «Вот ещё один

горемыка... Да только что мне до него? Я же ведь решила: мне уж ни о ком нет никакой заботы...»

Но думать она так думала, а сама всё на зайчонка глядит и глядит, отвернуться не может. И вот, хотела — не хотела, а стало ей мокрого бедолагу жаль.

Шевельнула она широкою веткой, вроде как подала зайчику знак: «Иди, мол, скорей сюда... Иди ко мне, малышка, иди!»

Зайчик с ходу под ветку — прыг! Зайчик дальше, глубже под другую ветку — шмыг! И там, в гущине, прижался к сухому, тёплому стволу.

Девушка-Ель слышит стук заячьего сердца, этот стук отзывается в ней само́й: «Вот ведь как получилось... Вот ведь... И выходит, если мне теперь не нужен никто, так я-то маленько кое-кому и надобна!»

И сберегала она, укрывала зайчика до той поры, пока гром и тучи не развеяло ветром. А когда всё утихло, то ей даже не захотелось с зайчиком расставаться.

Тронула она зелёною лапой его длинные, мягкие ушки, шепнула ему голосом не человечьим, а голосом своим новым, голосом-шелестом, шорохом лесным:

— Нагрянет ещё раз беда, опять беги ко мне. Я снова тебя выручу.

И зайчик шелест её понял, сказал ей тоже по-лесному, по-своему:

— Спасибо, Ёлушка!

А затем и спросил:

— Ты всех что ли в беде-то выручаешь?

— Тебя первого... — ответила Девушка-Ель. Ответила и добавила: — Но ежели у кого такая надобность тоже случится, то выручу и его.

— Так случилось уже! Случилось! — мигом встал столбиком зайчик. — На лужайке в грозу недавно испугался, заблудился я, а вчера в лесу ещё с вечера заплутал один несчастный паренёк. Он разыскивал кого-то, он аукал кого-то, да никто ему не откликнулся, и он — заплутал. Он и теперь тут близко бродит. Ты ему, Ёлушка, помоги!

— Как помогу? Чем? — шелестит Девушка-Ель.

— Подскажи из леса дорогу... А то я сам-то в сторону деревни не хожу и не гляжу, охотников боюсь.

— Подсказала бы... Так ведь я по-человечьи не разговариваю. Паренёк меня не поймёт.

— Поймёт! Всё поймёт! Ты ему, как мне, махни лишь куда надо веткой, и он дальше путь разыщет сам.

И уговорил зайчик Девушку-Ель на встречу с тем пареньком, а привести паренька на лужайку взял заботу зайчик на самого себя:

— Я его хвостиком приманю! Хвостиком, хвостиком и ушками!

И верно. Прошла минута, другая, Девушка-Ель видит: прыгает к ней по траве от лесной чащи всё тот же зайчишка.

И он то коротким своим пушистым хвостиком в траве мелькнёт, то длинными ушками над травой встряхнёт, а вослед за ним, должно быть, думая, что это машет кто-то ему платочком, торопится, выбегает из леса на поляну парнишечка. Да не какой-нибудь неизвестный там парнишечка, а совсем и давно Девушке-Ёлушке знакомый паренёк Митя.

И была бы Девушка-Ёлушка такой, как прежде, она бы и рукою взмахнула, и сказала бы Мите: «Здравствуй!», но сейчас она только лишь прошелестела: «Теперь мне и Митя ни к чему... Чего он тут плутает? Чего ищет в лесу возле меня? Он вот и раньше всё вокруг моего дома ходил, да ни единого слова не говорил, не скажет он и в эту минуту мне, Ёлке, ни словечка...»

И хотела она Мите на дальнейший путь из леса веткой указать, но стало ей вдруг снова так грустно, так снова печально, что она заплакала.

Покатились крупные слёзы по зелёным иголкам, будто по ресницам. И одна слезинка упала прямо на щеку Мите.

Замер Митя, глянул вверх, сам себе сказал:

— Что такое? Тучи разлетелись, в небе чисто, а откуда-то вновь упала дождинка...

И вот он стоит, смотрит, а девушкины слёзы с ветки — кап да кап, кап да кап.

И вгляделся в них Митя, и руками всплеснул, схватился за сердце:

— Да ведь это ёлка плачет! Такими же горючими слезами плачет, как плакала по своим родителям моя ненаглядная соседушка, милая девушка Алёнушка! Она плакала, горевала, а я, глупый, её вовремя не утешил... Она в печали пропадала, а я — робел, молчал... И вот она — исчезла! И вот я по лесу хожу, её, хорошую, ищу, да, видать, напрасно... А если так, если напрасно, то и останусь навсегда под этой печальной ёлочкой. И пускай тут погину, пускай тут пропаду! Потому что без Алёнушки я тоже вроде сиротинушки и никому не нужен!

И едва услыхала Девушка-Ель такие Митины слова, так вся и вздрогнула.

Вздрогнула, вскрикнула живым криком:

— Нужен! Раз ты, Митя, меня жалеешь, то — нужен! Мне нужен, себе нужен, нам вместе — нужен!

И вскрик этот был тоже таким сердечным, что и прозвучал он теперь не просто шумом лесным, а голосом ясным, человеческим.

Ну а если человеческим, то, значит, и всё колдовство пропало.

И стоит перед Митей на полянке не Девушка-Ель, а самая настоящая девушка Алёнушка.

Стоит она, ладонью слёзы утирает, а Митя прийти в себя не может, дивится:

— Ой! Как это я тебя чуть не проглядел?

— Это я тебя, Митя, чуть-чуть не проглядела! Это я сама ещё дома, ещё раньше едва-едва не просмотрела тебя... — говорит Алёнушка.

— Но отчего ж ты плачешь сейчас? Всё по батюшке с матушкой горюешь? — спрашивает Митя.

А девушка Алёнушка отвечает:

— Да... И от этого... А ещё немножко — от счастья. От того счастья, что мы в горе-то этом, Митя, нашли с тобою друг друга. И слёзы у меня сейчас — иные. Они, Митя, утешные, светлые!

И она наклонилась и хотела погладить зайчика, но он уж убежал...

МИЛЫЕ БРАТЦЫ

В одной крестьянской семье были старик-отец, старуха-мать, дочка Марфуша и братья-двойняшки Фома да Ерёма.

Имелось у этой семьи хозяйство — небольшое, но ухоженное. На пашенке славно урождалась рожь, в огородце выспевал всякий овощ, а во дворе стояли добрая коровушка да лошадка.

Ну, а в общем-то держалось всё это хозяйство на старике-отце. Держалось на нём, потому как в семействе своём он был заботником крепким.

Бывало, на деревне ещё петухи не кукарекали, а он уж в избе всех будит, каждому даёт строгий наказ — кому за что приниматься.

Да ведь иначе и нельзя было! Дочка Марфуша со старухой-матерью и так не упускали любого дела из рук, а вот Фома с Ерёмой нет-нет да на тёплых полатях и проспят. А ежели случаем сами и проснутся, да ежели никто их не потревожит, то ещё целый час будут зевать да потягиваться. Вот старик-отец их и подгонял! Вот под его крепкой рукой они в хозяйстве-то всё же как надо и поворачивались.

Ну, а раз поворачивались, то старик бранил их не очень, даже иногда перед незнающими людьми прихвастывал:

— Важнецкие у меня парни выросли!

Но вот захотелось старику со старухой проведать в одной деревне свою дальнюю родню, и старик Фоме да Ерёме сказал:

— Мы с матушкой ночевать нынче дома не будем. Вернёмся, может, завтра к обеду — так оставляю хозяйство на вас. Управляйтесь по дому, как положено. Да не забудьте, пока стоит вёдрая погода, привезти с лугов накошенное сено... Ну и, конечно, не обижайте Марфушу! Она, раскрасавица, у нас ещё молоденькая.

Сделал старик такое распоряжение, отправился со старухой по вечернему холодку пеша в путь, по дороге рассуждает:

— А ведь неплохо я придумал, что нашим двойняшкам, Фоме с Ерёмой, дал хоть маленько да поуправляться самим. Годы мои идут на убыль, и скоро придётся решать, кого поставить над всем домом полным хозяином. И вот как я из гостей-то вернусь, да как увижу, который из них постарался получше, так того своим заместником, в семье большаком и назначу!

Старуха на ходу поддакивает:

— Верно, старик, верно! Или Фому назначишь, или Ерёму... Или Ерёму, а то, может, и Фому...

И с тем старик со старухой дошагали до нужной им деревеньки, остались там ночевать, а дома Фома да Ерёма повели дело на свой на собственный лад.

Перво-наперво они без отца-то проспали не только петушиную побудку, а и всю рассветную зарю. Начали шевелиться лишь от того, что сестрёнка Марфуша постучала им снизу в полати кухонным ухватом:

— Да вставайте же, милые братцы, вставайте! Мне печь надо затапливать, щи, кашу варить, а дров колотых нету ни полешечка. Вы с вечера обещали, да не накололи, не принесли.

И тут Фома спускает с края полатей босые ноги, потягивается, зевает, смотрит сверху вниз на Марфушу, да вдруг и говорит:

— По чьему такому приказу ты подняла шум? Кто тебе позволил меня будить?

— Никто, братец! Батюшки нынче нету, вот и позволила я себе сама. Батюшка оставил нас на хозяйство, а кому да как приказывать, он ведь не говорил.

А Фома уж совсем распыхтелся, Фома на Марфушу этаким генералом уставился:

— Батюшка не говорил, так я скажу! Он не говорил, так я прикажу! Я ведь тебя, Марфушки, старше, и, выходит, я и есть сегодня в доме главный над тобой и надо всем!

— А я кто? — мигом встрепенулся на полатях и братец Ерёма. — А я разве — сбоку припёка? Я Марфушки настолько же старше, насколько и ты, Фома, и, значит, я главный тож! А, может быть, тебя, Фома, даже чуточку главней!

— Нет, я главней! — упёрся Фома.

— Нет, я! — выходит из себя Ерёма.

И тут — пошло, поехало! Некогда братцам за спором дрова колоть, некогда с полатей слезать, и Марфуша не знает, как их помирить. Да ей и самой недосуг. Марфуше надо подоить корову, отправить её к пастуху в стадо, которое давно уж мимо избы пропылило.

А тут ещё, не успела Марфуша управиться с коровой, как вспомнилось ей и про другую заботу. Про строгий-престрогий наказ батюшки о сене на лугах.

Глянула она в окошко на совсем теперь высокое солнышко и закричала братцам на полати:

— Ох, братики! Да сколько же можно шуметь, сколько же можно перепираться? Слазьте! Я вам вместо щей парного молока по кружке налью, да и поезжайте скорее по сено!

От молока братцы не отказались, с полатей слезли, выпили по полной кружке.

Выпили, отпыхнулись, Фома Ерёме говорит:

— Иди, лошадь запрягай!

А Ерёма отвечает:

— Надо мной не распоряжайся! Иди, сам запрягай!

И опять они схватились. Опять меж ними дым коромыслом, а время идёт да идёт. И Марфуша вздохнула, головой покачала, да и пошла лошадь в телегу запрягать сама.

Пойти-то пошла, и лошадь из конюшни вывела, и хомут на неё накинула, а вот в оглобли не может она лошадь направить никак. Лошадка-то была упрямая, не хуже братцев, и с нею сладить без крепкой руки тоже невозможно. Билась с нею Марфуша, билась — заплакала на весь двор.

А рядом был двор другой. При том дворе жил хороший, весёлый парень — Иванушка-сосед. Услыхал он Марфушины горькие охи да ахи, перескочил ограду, говорит:

— Давай я тебе, Марфинька, помогу!

И разом поставил лошадь в оглобли, дугу в гужи́ заправил, вожжи к узде пристегнул, а потом Марфушу спрашивает:

— Куда это ты в одиночку собралась?

Марфуша сквозь слёзы всё ему объяснила, поведала и про милых братцев, которые до сего часа спорят, а вот-вот строгий батюшка вернётся, и до его прихода надо успеть сено привезти.

Засмеялся Иванушка:

— Не плачь! Сейчас я твоих братцев по сено-то налажу!

Заглянул он в избу, крикнул:

— Эй, мужики! Кто из вас первым по сено соберётся да с ним раньше батюшки домой вернётся, того и станем главным считать. Я сам, как сосед, буду тому свидетелем.

И тут Фома из избы — долой, Ерёма тоже из избы — долой.

И совсем было они запрыгнули оба вместе в телегу, да опять ударились в перепалку: кому вожжи держать, кому лошадью управлять. Ведь каждый желает стать и тут первым, главным.

Глядя на такое дело, даже Иванушка перестал смеяться. Видит он: милые братцы не стронутся с места ни сейчас, ни через час. Выхватил он у них вожжи, вспрыгнул на телегу сам, погнал лошадь вскачь, закричал оторопелым братцам:

— Догоняйте! А если не догоните, то я вашу упрямую кобылу вместе с телегой где-нито на базаре продам! Да и сам не вернусь! Надоело мне на вас глядеть! Надоело таких, как вы, соседей иметь!

Братцы на миг и про спор позабыли. Им не соседа потерять жалко, им лошади жалко. Они всё ж, какие никакие, а хозяева.

И пустились они вдогон. А Иванушка, конечно, не на базар правит, а всё на луга да на луга. Так он туда милых братцев на их собственных ногах и доставил. А там он — то Фоме на ухо шепнёт, его, Фому, похвалит, главенство ему

пообещает, то Ерёме то же самое пошепчет; вот они у него, друг друга обгоняя, сено-то всё и сгребли, и на телегу навили целый воз.

Ну, а на обратном пути заново вожжи делить Иванушка опять им не дал. Он им сказал:

— Погодите, не спешите, ещё наделитесь...

И как в воду смотрел!

Приехали с сеном домой, а там Марфуша сама кое-как берёзовый кряж расколола, печку, наконец, истопила, сварила щи. Наваристые щи, с говядиной.

Воз с сеном к избе подъезжает, окна там по жаре раскрыты и горячими щами пахнет на весь двор.

Фома с Ерёмой, с утра-то почти не евши, закрутили носами, к крыльцу потянулись. Да Иванушка им снова, каждому по отдельности, словечко своё нашептал, и они сено не только свалили с телеги, а и перекидали на поветь под крышу.

Марфуша с крыльца смотрит, не может надивиться. Потом всех к столу зовёт. Но Иванушка тут отказался. Он говорит:

— Я ведь тебе, Марфинька, совсем-совсем не из-за щей помог!

И он Марфиньке этак славно улыбнулся, да и упрыгнул обратным ходом через ограду во двор свой.

А Фома с Ерёмой уселись в избе за стол. Уселись, взяли ложки и сначала принялись хлебать безо всяких перетычек.

Но вот щи убывают, в них мясо показалось, и Фома объявляет Ерёме:

— Раньше мы начинали мясо изо щей таскать только после того, как батюшка по чашке ложкой стукнет... Вот ты, Ерёма, и жди, когда стукну я.

— Нет! Это ты жди, когда стукну я! — всколыхнулся Ерёма.

— Нет — я! Нет — я! — зашумели они на прежний лад, да и так разбушевались, что ложкой-то Фома не по чашке стукнул, а треснул Ерёму по лбу.

Ерёма в ответ Фоме тоже ложкой по тому же месту съездил!

А тут открывается в избу дверь — в ней батюшка стоит, за ним — матушка.

Батюшка на Фому с Ерёмой смотрит, ничего не может понять. Щи перед братьями разлиты, чашка перевёрнута, ложки расколоты, на лбу у каждого по здоровенной шишке.

Мать в изумлении так на пороге и села, а батюшка кричит:

— Вы что?!

Но братья молчат, лишь глазами хлопают. Тогда батюшка спрашивает Марфушу:

— Что всё-таки стряслось-то у вас?

А Марфуша и плачет, и смеётся. Простого слова выговорить не в силах. Но мало-помалу старик от неё толку добился. Всю правду о том, как Фома с Ерёмой себя главными назначали, он, старый, узнал.

Узнал и про Иванушку.

Ну, а когда узнал, так тут же и сказал:

— Эх, Фома! Эх, Ерёма! Учил я вас — учил, гонял я вас по хозяйству — гонял, а оказывается главный-то заботник без меня в нашем доме — сосед! Пойду, скажу ему спасибо. Пойдём и ты со мной, Марфуша.

Марфуша застеснялась, зарделась:

— Я ведь с Иванушкой виделась только что...

Но старик-отец говорит:

— Ничего! С хорошим человеком тебе встретиться ещё раз — нелишне... Да и он, полагаю, тебя, умницу-красавицу, повидать сызнова будет ох, как рад. Не зря же ты его то и дело величаешь Иванушкой!

ЧУДЕСНЫЙ КОЛОКОЛЬЧИК И БАНТИК ДЛЯ КИКИМОРЫ

Росла у хороших родителей хорошая девочка Уля. Весёлая девочка, добрая и очень прилежная ко всякому рукоделью.

Особенно шитьё да вышивание у неё выходило славно.

К примеру, подарит ей маменька кусок белого холста, а тятенька с базара синих да красных ниток привезёт, и Уля сама на себя скроит, сама разошьёт такой сарафан, что все деревенские девушки мигом к Уле мчатся, в избе вокруг Ули толпятся, руками всплёскивают, все просят:

— Ах! Ох! Вот и нам бы этакую басоту-красоту! Вот и нам бы...

И несут Уле холсты, нитки свои, и Уля никому из девушек не отказывает: баские сарафаны им тоже кроит, шьёт, расшивает прекрасными узорами.

При этом платы за работу не принимает никакой, лишь говорит каждой девушке:

— Мне дорог не расчёт, мне дорого то, что мы с тобой подружки!

И все в деревне такие Улины поступки одобряли. Тятенька с маменькой тоже одобряли. И всё было бы хорошо и дальше, да вот прокралась по загумнам, по огородцам в деревню из недальнего бора лесная, хитрая старуха по кличке Кикимора.

Прокралась она, заглянула к Уле в избу, в окошко. А там Уля опять одной из подружек нарядный сарафан примеряет и опять отмахивается от всякой благодарности.

Кикимора даже в кулачок хихикнула:

— Дурында девка! Ну разве можно хоть чем-то кому-то задарма угождать?

Но хихикнуть Кикимора хихикнула, да ещё и призадумалась:

— А ведь девчонка пусть и не шибко умна, но — мастерица! Себе и товарке спроворила обновки — не оторвёшь глаз... И надо бы мне, пожалуй, эту девчонку к своим рукам прибрать! Я тоже в мои совсем ещё молоденькие триста лет хочу покрасоваться в узорчатом сарафане!

И улизнула Кикимора обратно в лес, притаилась у самой тропинки, которая вилась, бежала в ягодные, черничные места.

А черника к тому времени уже поспела. И деревенские девушки все за нею собираются и, конечно, зовут с собою свою добрую подружку Улю.

Уля и тут наготове. Берёт лубяное лукошко, бежит по лесной тропинке наравне с попутчицами самыми резвыми. Когда же ягоды начали мало-помалу попадаться и когда девушки, оглядываясь да аукая, рассыпались по лесу, то и в этой перекличке голосок Ули звенел чуть ли не громче всех.

Ну, а звенеть ему было от чего!

Оберёт Уля один черничный кустик, а перед нею не вдали, так под крупными ягодами к земле и гнётся, так и стелется кустик-другой... За ним — третий...

Вот Уля девушкам и кричит:

— Ау! Сюда, ко мне идите! У меня тут черники видимо-невидимо!

И невдомёк ей, радостной, что кустики-то эти приманчивые всё лишь в самую глухоманную сторону её уводят и что возникают они, обильные, здесь не сами по себе, а это их нарочно подставляет та лесная старуха.

И только Уля опомнилась, только снова и уже тревожно закричала: «Ау!», тут Кикимора к ней из-под ёлки и выскакивает.

Сама вся растрёпа растрёпой, востроносая, тощая, а голос — как из пустого кувшина:

— Угу-у! — гудит. — Угу-у! Вот ты, дева, куда надо и

забрела! Теперь у меня будешь жить, только на меня сарафаны шить со всем своим стараньицем да с баским вышиваньицем!

Уля в первый миг чуть языка со страху не лишилась. Потом видит: Кикимора её не трогает, да и ростом она маленькая, и тогда Уля говорит Кикиморе:

— Что ты, бабушка! Какое такое здесь, в лесу, шитьё-вышиванье? У меня для этого с собой ничего нет.

— У тебя нет, так у меня есть! — бубнит кувшинным голосом Кикимора. И показывает вниз под ёлку, под коренья, на крутые в нору-берлогу ступеньки, велит Уле спускаться по ним.

Уля в берлогу сверху заглянула, про себя смекнула: «Только спустись — обратно не выскочишь! Нет, надо мне от этой старухи бежать!».

И кинулась Уля бежать. Да куда ни ткнётся, везде вдруг встал колючим кольцом непролазный лес-чапыжник. Он Уле нигде никакого выхода от берлоги найти не даёт.

А Кикимора хохочет, ухает:

— Ух-х! Ха-ха! Ух-х! Ха-ха! Не сбежишь, не сбежишь! Будешь моей собственной швейкой вечно!

И пихает острым кулачком Улю к берлоге, и Уле ничего не поделать, спускается Уля по крутым ступенькам вниз.

Там темь-распротемь, ничего не видать.

Но махнула Кикимора рукой — под земляным потолком в навислых кореньях зажглись червячки-светлячки, в берлоге стало всё видно.

Кикимора подгребает к Уле ворох сухих осиновых листьев:

— Вот материя для шитья! А вот иголка, вот нитки!

И подаёт иголку жёлтую, сосновую, вместо ниток показывает в углу паучью паутину, вновь толкает Улю под бок:

— Чего таращишься? Неужто из всего этого сарафан мой выйдет не баским?

Но Уля отвечать не торопится, Уля думает: «Возможно, я сарафан-то ей даже из такого хлама соберу... Только дело в ином! Дело в том, как из плена спастись, как сквозь чапыжник найти выход к дому... И вот, дай-ка я пошлю старуху

за холстом настоящим; подсмотрю, где она сама выбирается из своей лесной кре́пи, да и тоже вышмыгну следом!

Надумала Уля так, а вслух говорит:

— Сосновой иголкой сшить тебе, бабушка, из листьев, из паутины обнову, конечно, можно. И выйдет она красивая. Но вот беда, показаться ты в ней никому не сможешь.

— Отчего это? — захлопала глазами Кикимора.

— А вот отчего... — говорит Уля. Кладёт на ладонь сухой осиновый листик, хлопает по нему другой ладонью — листик рассыпается. Тянет из паутины паутинку, тянет нарочно посильнее — паутинка рвётся. Ну, а иголку сосновую Уля переломила в пальчиках, отбросила в сторону и сказала:

— Видишь? Сарафан сошьём, а он вот так же с тебя и спадёт.

— Хэх! — расстроилась Кикимора. — На правду похоже! Но как теперь быть? Давай подсказывай! Всё равно я тебя не выпущу!

И Уля ответила, что ей надобен холст настоящий, нужны взаправдашные нитки с иголкой, и всё это имеется только в деревне, но туда Кикимора пожелает пойти вряд ли.

— Почему это не пожелаю? — воспрянула Кикимора мигом. — Для себя-то само́й сбегаю!

Подхватила широкую, из еловых корешков плетёную корзину, побежала к чапыжнику. Шмыгнула там влево, нырнула там вправо, и — пропала с глаз.

Уля — вослед. Но куда опять ни ткнётся, нужной тропы-выхода не найдёт в одиночку никак. Лазила она по чащобе, лазила, вся об острые сучки исцарапалась, да так ни с чем в берлогу под ёлку и вернулась.

Сидит, сокрушается, с горя чернику из своего лукошка ест. Ягодку в рот кинет, обратно в лукошко уронит грустную слезинку. Ягодку возьмёт, а слезинку уронит. При этом шепчет: «Для своего спасения надо придумывать что-то ещё!»

И когда Кикимора, шибко запыханная, но довольная, вернулась, когда из корзины выложила перед Улей кусок холста, шелковые нитки да швейную иголку, то Уля говорит:

— Ну и ловка ты, бабушка... Холст этот — не просто

хороший, а он ведь, я вижу, прямо из нашей избы! Как ты туда попала? Как не побоялась моих тятеньки с маменькой?

— Мне шнырять по чужим избам не привыкать! — отмахивается Кикимора. — Только вот и неуправки всего, что ноги теперь гудят от беготни... Так что я с часок отдохну, а ты — шей!

— Невозможно опять шить... — вздыхает Уля. — Забыла я, что мне ещё нужен мой серебряный, тятенькой дарёный, напёрсток. И нужна хоть одна стеклянная бусинка для совсем лучшего украшения твоего, бабушка, будущего сарафана.

— Ба-абушка... Бу-удущего... — сердито запереговаривала Кикимора. — Загоняла ты бабушку-то, беспамятная кулёма! Но так и быть, сброжу ещё разок.

И снова пошла она к чапыжнику, пошла помедленней, чем прежде. Но всё равно Уля и тут выхода-тропинки приметить не успела. Только на этот раз не заплакала, а сказала себе: «Ничего! Теперь меня выручит мой серебряный наперсток!»

И вот Кикимора тот напёрсток вместе с бусинкой принесла, сама тут же на сухие листья повалилась и с большого устатку мигом уснула, даже носом запосвистывала.

А шустрая Уля нашарила на земле в берлоге плоский камешек. Нацелила стальное остриё иголки на сребро-тонкое донце напёрстка, стала давить камешком на иглу: прокололась в донце дырка. Пропустила петелькой сквозь дырку нитку: получилось у напёрстка шёлковое ушко.

Ну а внутри напёрстка Уля подвесила стеклянную бусинку. И вот — был серебряный напёрсток, а стал он серебряным, лёгким колокольчиком!

Уля, чтобы Кикимору раньше времени не разбудить, колокольчик подняла осторожно, да и тут же подцепила под самое дно старухиной корзины. Потом сонную Кикимору — толк!

— Что опять такое? — зашевелилась Кикимора.

Уля заохала нарочно горестным голосишком:

— Ой-ой! Ой-ой! Совсем было я шить собралась, да, оказывается, кроить нечем! У нас с тобой, бабушка, ножниц нету!

— Фу тебе! — забранилась Кикимора. — Неужто сызнова в деревню тащиться? Я и так вся умаялась, утóпалась!

— Ничего не поделаешь, бабушка! Надо! Да не забудь и теперь захватить корзину. А то ножницы вострые, в корзине их нести лучше... Ну, а если ты устала совсем, то давай сбегаю за ними я.

У Кикиморы сразу ушки на макушке.

— Эге! — говорит. — Вот ты надумала чего! Видать, ты только с виду глупая... Но меня, нет, не обхитришь! Я и по третьему разу как-нито сброжу собственными ногами.

Подняла Кикимора корзину, кряхтя да охая, полезла по земляным приступкам из берлоги. Она лезет, а серебряный колокольчик каждый её шаг отмечает тонким голоском:

— Тиньли-тень! Тиньли-тень!

Вылезла Кикимора, застыла на месте. Колокольчик, конечно, тоже смолк. Глянуть под самое дно корзины Кикимора не догадывается, смотрит по сторонам:

— Кто это рядом со мной тилитенькает?

Уля из берлоги высовывается, для виду тоже туда-сюда смотрит, Кикиморе говорит:

— Это, должно быть, совсем крохотная птичка-синичка. Она, похоже, где-то тут в ближних ёлках прячется, на тебя, бабушка, любуется... Наверное, ты ей нравишься очень! И, видать, ей охота с тобой подружиться, вместе с тобой прогуляться по всему лесу.

Кикимора сразу — вострый нос кверху, давай поправлять на макушке встрёпанные свои лохмы:

— А што? А што? Разве со мной дружить нельзя? Ещё и как можно-то! Я вот, бывало, не то что с этой пигалицей-синицей, а с почтенною Вороной-Каргой дружилась, и мы очень прекрасно друг с дружкой беседовали, хорошо и складно каркали! Пускай и эта малявка за мной летит, пускай себе тилитенькает.

И Кикимора побрела к чапыжнику, и колокольчик у неё под корзиной опять запозванивал. Уля же быстренько завернула иголку, нитки в холст, всё спрятала за пазуху, подхватила лукошко с черникой да на цыпочках, всё на цыпочках, пошла вслед за серебряным звоном.

И какими бы ходами-поворотами Кикимора ни запутывала свой путь, Уля с него не сбилась, из чащобы-чапыжника выбралась на вольную, знакомую тропинку.

А там она припустила во весь дух, да и по-за кустиками, по-за ёлками усталую Кикимору опередила. На самом виду деревеньки встала, стоит, Кикимору ждёт.

Кикимора из леса выбредает, Улю перед собой видит:

— Ого! Вот так раз! Ты как это объявилась тут?

— Меня вывел колокольчик!

— Какой такой колокольчик?

— Серебряный! Мой! Он у тебя под корзиной.

Кикимора верит — не верит, корзину медленно вверх дном переворачивает, а быстрая Уля колокольчик — хвать! — и вот он у неё в руке.

Кикимора хотела было по-прежнему зафукать, загукать, рассердиться, да видит: деревенька-то, полная народу, совсем близко. И с досады Кикимора заплакала:

— У-юй! У-юй! Значит, не видать мне теперь сарафана баского, не видать никакой хоть малюсенькой обновочки! И никто уж на меня не полюбуется, никто меня не похвалит!

И по её щекам, по длинному носу покатились такие настоящие слёзы, что Уля не стерпела, вынула из-за пазухи нитяной моток и скрутила из тех ниток разноцветный бантик. Скрутила, повязала его несчастной Кикиморе на встрёпанную макушку:

— Вот! Хоть ты и Кикимора, но мне тебя жаль! И пусть у тебя нету обновы-сарафана, да всё ж ты с бантиком. Иди, покажись своей прежней приятельнице, Вороне-Карге, ей твой бантик будет по нраву. Она тебя похвалит!

И Кикимора тронула рукой бантик, просияла, ойкнула, засеменила обратно в лес, а Уля побежала к дому.

И что она там тятеньке, маменьке да подружкам-девушкам про свои похождения поведала, нам не узнать. Не узнать, потому что сказке — конец!

ЧЕСТНЫЕ ДЕНЕЖКИ

Пришёл один деревенский паренёк к справному хозяину на работу наниматься.

Хозяин на паренька взглянул, подумал, пареньку сказал:

— Что ж... На вид ты — хоть куда! Крепок, статен, даже в одёжке аккуратен... Да только вот — честен ли?

Паренёк плечами пожал:

— О собственной честности говорят не словами, а говорят делами. Вы, ваше степенство, меня испытайте на деле.

Ответ хозяину понравился, и он взял к себе паренька ухаживать за конями.

А кони у хозяина — верховые и упряжные. Кони у хозяина — для полевой пахоты и для выезда в добрые люди по праздникам. И каждый конь требует ухода-пригляда особенного. Но паренёк заботы такой не испугался, возле коней он стал стараться во всё своё умение, и каждая лошадка у него была всегда сыта, весела, начищена и причёсана — ну, прямо как картинка!

Хозяин доволен пареньком.

Но вот наступила осень, пришло время расчёта, и хозяин решил работника своего на честность-то испытать ещё раз.

Приглашает он паренька к себе во светёлку, кладёт перед ним на стол целый кошель полновесных серебряных рублей, пареньку говорит:

— Бери из кошеля сам столько, сколько, ты полагаешь, тебе причитается.

Сказал хозяин так, да и вышел из светёлки вон.

Паренёк перед столом, перед полным серебра кошелём стоит, не знает, что и подумать. Наконец сообразил, что это хозяин его всё ещё испытывает, и вот взял из кошеля только один рублик.

Взял, сам себя утешил:

— Мне больше и не причитается... На полноценный-то рублик, даже и на единственный, можно жить хоть целый год!

Зажал паренёк серебряную денежку в руке, в кулаке, выбежал из светёлки во двор. От волнения, от переживания захотел испить холодной водицы.

Шагнул паренёк к колодцу, выкрутил одной рукой наверх тяжёлую бадью, другой рукой стал бадью подхватывать, и тут кулак с монетой поневоле раскрылся, и серебряный рублик выпал, да и мигом исчез в колодце на дне.

— О-ёй! — вскричал паренёк. — Пропал, утонул весь мой годовой заработок!

А снизу из глубины тёмной вдруг доносится голос колодезной лягушки-квакушки:

— Ква-ква! Ква-ква! Успокойся, не горюй. Честная денежка не тонет! Я твой рублик до поры до времени сохраню, а ты ступай, ещё рублик зарабатывай.

Делать нечего, пошёл паренёк опять к тому же хозяину, и хозяин вновь с превеликой радостью приставил паренька к прежней конюшенной работе.

И усердствует паренёк теперь ещё пуще прежнего, и хозяйские кони под рукой паренька — снова такие, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

Хозяин старание паренька, конечно, понимает отлично. Когда приходит новый срок расчёта, желает он паренька теперь уж не на честность проверить, а просто отблагодарить ото всей души.

Зовёт он паренька прежним манером в светёлку, выкладывает перед ним всё тот же кошель с серебром: «Бери, мол, столько, на сколько сам себя ценишь!», однако скромный паренёк взял из кошеля, как раньше, всего лишь рубль.

Только рубль этот не в кулаке теперь зажал, а в шапку спрятал, в подкладочку.

И пошёл к старому колодцу глотнуть свежей водицы. Стал опять бадью вытаскивать. Да над срубом-то наклонился слишком, и шапка вместе с рубликом с головы сорвалась! Поплавала она в колодце, поплавала, и, намоклая, ушла в глубину.

Чуть не заплакал тут паренёк в досаде.

Но знакомая теперь лягушка-квакушка из-под замшелого колодезного сруба опять по-доброму утешает:

— Ква-ква! И на этот раз не горюй! Ква-ква! И на этот раз честная денежка не пропадёт! Иди, зарабатывай третью...

Что делать? Пришлось пареньку наниматься, обихаживать коней сызнова, и вновь он с хозяина при расчёте сверх одного рублика не взял ничего.

Хозяин тут даже ладонью по столу стукнул:

— Что это, — говорит, — такое! Выходит, на честность-то всё время проверяю не я тебя, а ты меня! Ведь твоим стараньем на моих лошадей теперь вся округа любуется, и, ежели рассудить по совести, зарабатывал ты каждый раз куда как побольше рубля! И оставаться твоим должником я не вправе, потому в придачу к третьему рублю дарю тебе шапку новую, кафтан новый, да и, кроме того, с нашей конюшни хорошего коня. Вороного, резвого! Иди, коня седлай, прогуляйся по белу свету! Прилежными трудами ты ведь заслужил и это!

Ну, вот и стал теперь паренёк при собственном конескакуне, при новой шапке, при новом кафтане и опять при серебряном рублике.

Но тех, утоплых, монеток ему тоже жаль.

Подъезжает он верхом к колодцу, заглядывает сверху, с седла, в самую глубь.

— Ау! — кричит. — Эй, лягушечка-квакушечка! Где они, мои бывшие рублики? Ты говорила: «Честные денежки не тонут!»

И только он это прокричал, как сразу и слышит: вода в колодце всплеснулась.

Всплеснулась вода, расступилась, по замшелым брёвнам сруба что-то заскреблось, что-то зашлёпало, и — вылеза-

ст на верхний край колодца зелёная, глазастая лягушка.

Рот у лягушки улыбчивый, из широких губ две светлых монетки торчат.

Подставил паренёк ладонь, монетки принял, хотел лягушке сказать спасибо и в путь свой дальше пуститься, но лягушка говорит:

— Э, нет! Постой! Сначала на плечо меня к себе посади, в попутчики меня возьми. А то твои денежки если и не утонули, то всё равно пропадут без толку! И ты мне в этом поверь, как поверил раньше.

И покладистый паренёк лягушке поверил, взял лягушку с собою.

Скачут они на резвом коне меж полей и лугов, меж высоких хлебов, въезжают в незнакомую деревеньку. Там — шум навстречу, там — пыль столбом.

Бежит по деревенской улице рыженький котик, беленький лобик. За ним — две старухи. Одна — с кочергой, другая — с коромыслом.

Котик от старух — туда, котик от них — сюда, не знает, где и как скрыться. Увидел он на дороге верхового паренька, вспрыгнул с маху прямо на коня, почти к пареньку на колени.

Старухи подбегают, кочергой, коромыслом машут, собираются котика стащить, собираются котика побить. При этом кричат:

— Ты к нам в погреб за сметаной лазил! Ты у нас чашку с творогом разбил! Нет тебе, рыжий Котофей, прощения!

И вот-вот они с коня, с колен паренька котика стащат, а лягушка пареньку нашёптывает:

— Дай скорей старухам рублик! Дай! Откупи Котофейку от неминучей расправы!

Паренёк из-за пазухи рублик выхватил, сунул старухам под самый нос.

Те и про погоню вмиг забыли, давай рублик друг у дружки отнимать.

А конь вороно́й несёт теперь уже троих: самого паренька, лягушку-квакушку и спасённого котика Котофейку.

Едут они, едут, перед ними большой город-столица начинается.

Паренёк говорит:

— Поедем сразу на главную площадь. Там, слышь, всё самое интересное. Там царёв терем-дворец.

Лягушка-квакушка возражает:

— Нет, сначала завернём на рынок.

Паренёк было отмахнулся:

— Чего я на том рынке не видел? Я покупать ничего не собираюсь.

Лягушка упорствует:

— Это сейчас не собираешься, а там-то вдруг нам что-нибудь и приглянется... Не спорь, направляй коня к рынку!

На рынке толчея, гам, народу невпробой. Чуть в стороне старенький старичок старенькую балалаечку продаёт.

Квакушка пареньку шепчет:

— Вот её и купи. Она вещь нам очень нужная.

— А кто играть на ней будет?

— Думаю — Котофейка.

— Да он, поди, не умеет...

— Ничего! Уметь тут много не надо. Я издали вижу: эта балалаечка старая, да непростая. Котофейка по ней только раз ударит, а дальше она сама вовсю зазвенит... Покупай скорей! И со старичком не торгуйся, если он даже запросит целый рубль.

Старичок в самом деле запросил целый рубль. Но паренёк и теперь квакушки не ослушался, рубль заплатил, балалаечку пристроил при седле, рядом с Котофейкой. Правда, при этом пожал плечами: «Что, мол, за пустяшная покупка!»

А лягушка-квакушка давно высмотрела покупку новую. Показывает на коробейника, который продаёт с лотка-короба серебряное кольцо:

— Купи вот и это колечко!

— Для кого? Для какой такой надобности? — дивится паренёк.

Лягушка отвечает:

— Я его себе пока на лапку надену. Потом видно будет... Покупай, покупай, не скупись! Я ведь тебя ещё не подводила ни в чём.

И опять паренёк выполнил квакушкину просьбу. Купил он на последний серебряный рубль серебряное кольцо, надел его квакушке на зелёную лапку.

Надел, призадумался, да вдруг лягушку и спросил:

— Слушай! Ты, может быть, не просто лягушка? Ты, может быть, заколдованная лягушка-царевна? Что-то не возьму я в толк, отчего и почему ты надо мною так раскомандовалась...

Та объяснений лишних опять не даёт, лишь квакает:

— Ква-ква! Много будешь знать, скоро состаришься! Лучше поезжай сейчас туда, куда и собирался. Пришло время глянуть на царский терем.

Но паренёк всё смотрит на рыжего Котофейку, смотрит на старую балалайку да на лягушку с кольцом:

— Ну, ежели ты — не царевна, то, выходит, плакали мои честные денежки... Истратил я их по твоему велению, должно быть, зря!

Лягушка такие речи паренька не слушает; лягушка, знай, распоряжается этакою хозяйкой:

— Держись конём по городу вправо... Держись влево... Теперь смотри: вот он и царский терем-дворец! А в тереме, в окошечке самая-то взаправдашная царевна и сидит! Видишь, какая славница! Видишь, какая краса ненаглядная! К ней, парень, я тебя и вела! Подтянись, прибодрись, проскачи перед красавицей во всём своём молодечестве.

Паренёк тут, конечно, новых вопросов задавать не стал, тотчас поправил чуб русый, заломил шапку набок, приударил коня под бока стременами, и скоком-цоком, скоком-цоком прогарцевал мимо царевны под самым под окошечком.

Обернулся, оглянулся, а царевна, оказывается, на него и не смотрит.

Подперлась она в окошке ручкой, глаза к небу возвела, на белом лице только грусть да печаль.

И все здесь прохожие люди-горожане идут мимо терема тоже печальные, видно, что каждый царевне очень сочувствует.

Тогда паренёк одному прохожему загородил конём своим путь:

— Что это такое с царевной-то у вас?

Прохожий горестно руками развёл:

— Так ведь она у нас — Несмеяна. Вот уж который год не смеётся, не улыбается. Сам царь-батюшка из-за этого в расстройстве. Даже издал указ: «Кто царевну развеселит, тот с нею под свадебный венец пойдёт!», да только таких умельцев-весельчаков и до сей поры не отыскалось. Не старайся, добрый молодец, и ты! Здесь не такие удальцы счастья пытали, и все отъехали ни с чем. Никого из них царевна не одарила не то что улыбкой, а ни взглядом, ни полвзглядом.

И паренёк после такого сказа тоже было хотел развести руками, но лягушка-квакушка вскричала:

— Тех удальцов царевна взглядом не одарила, так одарит нас! А ну-ка, парень, коня-то опять разверни поживей!

И развернул паренёк вороного коня, снова скоком-цоком подлетел к царевне под самое оконце, а лягушка приказывает котику:

— Ударь, Котофейка, в балалаечку!

Ударил Котофейка по струнам балалаечки, и они, непростые, самозвонные, так запели, так загудели, что царевна в оконце шевельнулась, очнулась, и опустила свои очи в сторону паренька.

Опустила, вздохнула, даже золочёную раму перед собой в оконце раскрыла пошире.

И смышлёная лягушка-квакушка котику, не медля, говорит:

— Прыгай, Котофейка, с коня на подоконник! К царевне щёчкой приластись, шёрсткой прижмись!

Перепрыгнул Котофейка с коня, с колен паренька на подоконник, к локотку царевны прижался, по её руке усатой щёчкой да шёлковым ушком давай водить, давай водить, и — царевна Несмеяна улыбнулась!

Она тоже ласково гладит пушистого котика, а глаз — сразу ясных! — не сводит со статного паренька.

И тут он сам не сплошал! Сам догадался, что дальше делать! Подхватил квакушку на ладонь, поднял к оконцу, показывает царевне.

Царевна Несмеяна как приметила на лапке у лягушки кольцо, так и совсем весёлым смехом рассмеялась.

— Что это за диво? — говорит пареньку. — Неужто эта широкоротая попрыгушка — твоя невеста? На ней ведь колечко не просто серебряное. Оно, похоже, обручальное.

Но весело отвечает и паренёк:

— Нет, квакушка-попрыгушка не невеста. Она только моя советчица, наставница. А невеста мне — теперь ты! По указу твоего батюшки. А главное — по твоей мне сейчас улыбочке! Так что с лягушки-квакушки это колечко сними, и, если ты, царевна, со мною согласна, то себе его тут же на пальчик и надень...

И царевна, не мешкая, надела колечко на пальчик, и они с пареньком стали сначала женихом да невестой, а потом и добрыми мужем да женою.

Ну, и само собой, котик Котофейка тоже остался у них при дворце-тереме жить. Ему они доверили на здешней кухне творог да сметану от мышей сторожить.

А лягушка-квакушка поселилась в дворцовом саду, в чистом, тёплом пруду.

И когда паренёк приходит сюда погулять со своею улыбчивой супругой-царевной, то лягушка из пруда выглядывает и пареньку квакает:

— Ква-ква! Ква-ква! Вот теперь ты и сам видишь, твои честные денежки не пр-р-опали!

ВОСТРУШЕЧКА-СЕМИЛЕТОЧКА

В некотором царстве-государстве жил в одной деревне вдовый мужичок. И были у него дочка да сынишка.

Дочку все прозывали Вострушечкой-семилеточкой. Минуло ей всего семь лет, а она уж в доме полная хозяйка. Она печь топит, щи-кашу варит, отца на работу провожает, братцевы рубашонки чинит, да при всём при этом ещё и весёлые песенки поёт... Вот и выходило, что Вострушечка она, Вострушечка-семилеточка.

Ну, а братца звали просто Терёшкой. Он-то был небольшим совсем. Правда, шустрым и смекалистым тоже. Если сестрица воду или дрова несёт в дом, он безо всякой просьбы подбежит, подсобит.

Но больше всё же он играл на улице в лошадки, всё скакал по лужайке на палочке верхом.

И вот он однажды под самый под вечер гуляет там, забавляется, а по дороге, по улице летят-топочут живые кони. Топочут, на всю деревню бубенцами гремят, серебряной сбруей сверкают, катят за собой золотую карету.

Карета — по всему видно — царская.

Терёшка не утерпел да на запятки и вспрыгнул.

Карета понеслась ещё пуще.

А тем временем шёл с поля отец. Он всё это увидел, закричал — да поздно!

Умчалась золотая карета вместе с Терёшкой за синий лес.

«В царскую столицу увезли!» — ахнул мужичок, отец Те-

рёшки. Ахнул, побежал следом. «Царь-то у нас — не просто царь. Он, говорят в народе, ещё и колдовать умеет. Он с нашим Терёшкой что-нибудь колдовское сотворит!»

Добежал мужичок до столицы. Как был, весь в пыли, в худой шапчонке да в лаптях, так прямо в царский терем и ломится.

Стража, конечно, хода ему не даёт: «Куда ты,такой-раз-этакий!»

Ладно, царь услышал, стукнул в раму, выглянул из окошка:

— Что за шум?

— А вот что... — объясняет мужичок. — У вас тут где-то мальчик только что объявился, так этот мальчик — мой!

— Русенький? Беленький?— переспрашивает царь.

— Беленький!— кивает мужичок.

— Шустренький? С виду такой умненький?

— Конечно, умненький!— радуется мужичок-отец.— Отдавай мне его скорее!

— Ну-у,— говорит царь,— умненькие, шустренькие нам самим нужны... Да и чем ты докажешь, что он тебе сыном приходится?

Мужичок руками развёл, бормочет: «Спросите самого Терёшку...»

А царь смеётся:

— Спросить нельзя! Он в моих царских покоях отдыхает после дороги. Мы иначе поступим... Раз мальчик умненький, то и родня у него должна быть смышлёная. Вот если к утру отгадаешь три мои загадки — тогда тебе поверю. Загадки такие: что всего на свете быстрее, что всего жирнее да что всего милее? А теперь ступай!

И выставили стражники мужичка за ворота, пошёл он к дому, повеся голову.

Идёт, думу думает: «Кто самый быстрый? Наверняка царские кони! Я их до самой столицы так и не догнал... Кто самый жирный? Должно быть, рябой боров у моего соседа! Я жирнее этого борова не видел никого... Ну, а милей всех мой сын Терёшка — его сам царь не хочет отдавать!»

Домой в деревню пришёл мужичок за полночь; от горя,

от усталости едва держится на ногах. А Вострушечка-семилеточка не спит, вестей ждёт про Терёшку. Отец всё ей и рассказал. Поведал дочке о загадках царских; поделился, как отвечать на них думает, и вздохнул горько:

— Была бы жива наша матушка, она бы мне подсказала ответы куда вернее. Вдруг да я всё же ошибаюсь?

Вострушечка-семилеточка утешает отца:

— Конечно, ошибаешься. Но вместо матушки я тебе помогу... Быстрей всего человеческая мысль. Мыслью мигом попадёшь туда, куда самые резвые кони не доскачут... Жирней всего земля-кормилица. Это она питает всё живое... А милей всего — сон! Только во сне можно забыть любое горе... Иди к царю с этими ответами.

Направился мужичок обратно, шёл без отдыху всю ночь, на рассвете стучится в царский терем.

А царь ждёт, из окошка глядит:

— Готовы ответы?

— Готовы! — кланяется мужичок. — Так вот и так!

Царь пришёл в большое изумление:

— Не верю, что такие трудные загадки ты отгадал сам.

Честный мужичок и признался:

— Подсказала мне это моя дочка Вострушечка-семилеточка, Терёшкина родная сестрёнка.

Царь удивился ещё больше, а отдавать Терёшку не желает всё равно. Он говорит:

— Пускай тогда ваша Вострушечка для меня ещё и службу сослужит. Вот отнеси ей ниточку. Пусть за одни сутки она соткёт мне из этой ниточки широкую скатерть... Да быстрей шагай! Сутки уже начались!

Вздохнул мужичок, пошагал домой не с Терёшкой, а с ниточкой. Опять там перед дочуркой кручинится:

— Что делать станем?

А Вострушечка-семилеточка отламывает от веника тонкий прутик:

— Отнеси прутик царю. Пусть найдёт мастера, который бы сделал из прутика ткацкий стан. Да не спеши, батюшка, выспись. У тебя сегодня времени много, сутки-то длинные.

Выспался мужичок, явился с прутиком к царю. Тот сразу:

— Что за шутки? Кто это из одного прутика сможет целый ткацкий стан смастерить?

А мужичок тоже сразу:

— Правильно, царь-государь, правильно! Стан из прутика сделать нельзя, но и нельзя выткать, значит, из одной нитки широкую скатерть.

Рассмеялся царь:

— Опять одержала верх надо мной твоя дочь! Я её увидеть теперь желаю. А если она и в гостях такой же толковой окажется, то так и быть — отпущу с ней Терёшку. Только вот явиться пред мои царские очи должна она ни пешком, ни на лошади, ни раздета, ни одета, ни с подарком, ни без подарка...

Побежал мужичок за Вострушечкой. Она минуты лишней не потеряла — вмиг к царю в гости собралась.

Сарафан скинула — вместо одёжки в отцову рыбацкую сеть завернулась. На Терёшкиной голубятне сизаря изловила — в руки взяла. Ступила на лыжи, да и айда по траве, как по мягкому снегу, прямо во столицу. Подъезжает к царскому терему. Царь со слугами на крыльце стоит, загодя усмехается, думает: «Теперь девчонке Вострушке моё трудное задание не исполнить ни за что!»

Но тут подаёт ему Вострушечка сизого голубка, а тот, не дождавшись, пока царь руки протянет, возьмёт его,— порх!— да над крышами и взлетел!

— Вот,— говорит Вострушечка-семилеточка,— вам, ваше царское величество, и мой подарок — не подарок. Вот я перед вами и не одета, и не раздета, ни на лошади, ни пешком! Где Терёшка?

А царю Терёшку отдавать неохота. Пустился царь на хитрость новую.

— Хорошо,— говорит,— хорошо! Будет тебе Терёшка... Только сначала выбери себе сама и от меня подарочек.

И хлопает царь в ладоши, и на крыльце откуда ни возьмись сразу три барашка.

Один барашек — белый, а копытца — звонкие, изумрудные. Другой барашек — ещё белее, а копытца — янтарные. Ну, а третий барашек — простой, серенький, копытца

обыкновенные, и даже как будто бы не совсем он здоров. Всё вниз глядит, головы почти не держит.

— Вот,— говорит царь,— какой тебе барашек самым дорогим покажется, того и забирай. Только бери, да, чур, потом не передумывай!

А Вострушечка-семилеточка отвечает:

— Нечего мне думать, нечего передумывать! Я серенького беру.

— Как так?— взволновался царь.— Да чем он, этот серенький, слабенький, показался тебе дороже других?

— А тем и показался, что — слабый! Мне мамушка моя всё наказывала: отворачиваться придётся, так от всех отвернись, а от слабого — нет! Слабому помочь надо... Вот я этого барашка и беру. Я его выхожу.

— Эх! — сказал царь.— Не знал я, что ты вся в свою мамушку. Тогда бы я по-другому поколдовал-поступил... Ведь серенький-то барашек — это твой Терёшка и есть! Ну, да нашего царского слова я переменить не могу, я его должен выполнить!

И царь опять ударил в ладоши, и серенький, слабенький барашек стал шустрым Терёшкой.

Вострушечка-семилеточка подхватила Терёшку за руку, и они бегом-бегом, да всё дальше от царского терема, помчались по дороге к родному дому.

А там уж и отец — то на дорогу смотрит, выбегает, то обратно в дом забегает: готовит в честь Терёшкиного возвращения на всех своих соседей угощение. Он знает теперь: если за Терёшкой пошла Вострушечка-семилеточка, то непременно его и приведёт!

КРЕПКОЕ ЖЕЛАНИЕ

В полевой, тихой деревеньке жила девочка. И всё у неё и во всей деревеньке шло хорошо. Но это хорошее вдруг кончилось. Посеют деревенские люди пшеницу, а следом ударит нежданно крутая стужа — пшеница вымерзнет. Посеют на другой год ячмень, а тут засуха навалится — ячмень выгорит. Худо стало в деревеньке! Не пахнет больше в избах тёплыми караваями, не булькают в печках горшки с кашей, новый посев начинать тоже нечем. Да и разуверились люди: «Что, мол, теперь начинать? Всё равно, сей не сей, а ничего уж доброго не взойдёт...»

И вот — кто залёг на нетопленную печку, кто в углу сидит, даже в окошко на опустелые поля не глядит; приуныли и родители девочки. Лишь сама девочка всё выбегает за калитку, уходит по тропинкам в окрестные поля.

Родители, конечно, спрашивают: «Зачем?» А девочка отвечает: «Не хочу без дела сидеть, не хочу весь день в пустой угол глядеть... Я на тропинках-то, может, выхожу что-нибудь доброе, живое!»

И — верно. Ходила она, ходила — видит однажды в пустой полевой борозде этакое гнёздышко-шалашик. Шалашик ей всего до лодыжки, но внутри кто-то как будто бы шебуршит.

«Живое нашла... Перепёлочка!» — ахнула девочка тихо и в шалашик заглянула. А там совсем и не перепёлочка, там сидит крохотный старичок. Он синими глазками смотрит, он говорит девочке:

— Ну вот, я наконец хоть кого-то и дождался!

— Кого же ты здесь дожидался?

— Ваших, деревенских...

— Да кто ты сам-то такой? — удивляется девочка.

— Я — полевичок! Я вашим деревенским посевное зёрнышко сохранил. Оно — счастливое. Только надо за ним как следует поухаживать. Зови сюда скорей всех желающих.

Девочка — бегом в деревню, девочка стучит во все окошки:

— В поле, в шалашике старичок-полевичок сидит, нас ждёт! У него есть одно счастливое зёрнышко! Кто желает за зёрнышком поухаживать?

Только на стук никто не выходит, все отмахиваются, все отвечают:

— Какой такой полевичок? Мы в него не верим... И что проку в одном-единственном зёрнышке? Вот если бы целый воз, тогда бы — да! А так, заниматься неизвестно чем да наудачу, нет у нас больше никакого желания...

Все сказали: «Нет!», родители ответили так же, и девочка вернулась к шалашику одна.

Старичок головой покачал, руками развёл:

— Что ж... Если деревенские люди всякую веру да желание растеряли сами, то и мне для них не сделать ничего.

Старичок вздохнул, нахлобучил потуже соломенный картузик, и девочка поняла, что он собрался уходить.

— Постой, дедушка! — закричала она. — Постой! Не уходи! Желание растеряли не все. Ухаживать за зёрнышком желаю я!

Остановился старичок, глянул на девочку с недоверием:

— Так ли? Желание-то должно быть очень крепким. Не на минуту, не на час, не на один день.

— Оно у меня, дедушка, надолго! Оно у меня — навсегда! Говори, что нужно делать?

И старичок подал девочке обыкновенное с виду зёрнышко.

— Надо его вот здесь посадить и надо его полить.

— Вмиг, дедушка, посажу! Вмиг полью!

Побежала девочка опять в деревню, возвратилась с ло-

патой, с ведром, полным колодезной воды. А когда посадила зёрнышко и собралась его поливать, то старичок говорит:

— Колодезная вода не годится. Она слишком жёсткая. Тут нужна водица мягкая, речная.

И пускай речка была очень и очень не близко, берега её крутыми, высокими, а всё равно девочка из этой речки принесла теперь воды мягкой.

Но земля в поле высохла настолько, что воду выпила сразу, и старичок говорит:

— Неси ещё!

Так и таскала девочка воду целый день. А ведро тяжёлое, а руки не слишком сильные, да и всё время есть хочется. Старичок же спрашивает лишь об одном:

— Не пропало твоё желание?

— Нет, не пропало... — шепчет девочка и воду всё таскает.

И вот, когда солнце на закат пошло, земля с зёрнышком напилась вдосталь, а тут и звёзды в небесах зажглись.

— Отдыхай! — разрешил старичок.

Приткнулась девочка ничком у шалашика — ночевать домой ноги не бредут.

Наутро, едва зорька зарумянилась, старичок командует вновь:

— Подымайся!

Поднялась девочка, опять было взялась за ведро, да глянула на вчерашнюю политую бороздку и — опешила!

Стоит там дерево — не дерево, стебель — не стебель, но качается на нём колос, а в колосе два огромных, спелых зерна. Одно — янтарное, другое — золотое.

Старичок весело говорит:

— Это ещё не всё чудо! И работа не вся. Забирай зёрна в передник, пойдём искать жернова-меленку.

Жернова были у девочки дома в чулане. Там, не успели порог перешагнуть, старичок велит:

— Золотое зерно спрячь подальше, бросай в жернова зерно янтарное. Да крути, старайся, не отступай!

И вот девочка старается, жернова на всю избу гремят; родители услышали шум, в чулан заглянули:

— Что, доченька, опять такое? Молоть у нас нечего, а ты зачем-то крутишь жернова...

Старичок за девочку спрятался, шепчет:

— Молчи, ничего пока не объясняй!

И девочка промолчала, родители вернулись в избу. «Пускай, мол, дитя тешится. Она у нас маленько странная!»

А девочка жернова крутит и крутит, а верхний круг, железом кованый, весом в пуд. А янтарное зерно катается под кругом, будто гладкий камень, и муки от него — ни пылинки. У девочки спина болит, руки болят, старичок же всё спрашивает прежнее, своё:

— Желание работать не исчезло? Желание не пропало?

— Не-ет... — говорит девочка, сама чуть не плачет. За вчерашний да за сегодняшний день она устала очень.

Но тут янтарное, твёрдое зерно лопнуло в жерновах, посыпалась в подставленное лукошко душистая мука. Да столько её посыпалось, что и другие все лукошки в чулане наполнились доверху.

Захлопала девочка в ладоши:

— Побегу к батюшке, к матушке! Пускай обрадуются! Пускай матушка скорее напечёт на всю деревню хлеба!

А старичок говорит:

— Нет! Матушку не зови. Теперь и хлеб на всю деревню должна ты испечь только сама.

— Так я не смогу! Я не умею! — всплеснула руками девочка.

— Ничего... Постараешься — научишься.

И поднялась девочка с места, пошла в избу — давай растапливать давно не топленную печку. Давай — умела не умела! — заводить тесто.

Мать с отцом сидят, во все глаза глядят, опять ничего понять не могут. Трещит в избе затопленная печка, с большой квашнёй возится их дочка. Возится, а сама с ног до головы вся уляпалась в тесте, вся в муке. Мать и рада, и растеряна: «Откуда хоть что взялóсь-то?!» Да вопросов теперь не задаёт никаких, лишь, видя, какая девочка неумелая, желает ей помочь. Но девочка отмахивается:

— Помогать, мамушка, ты можешь мне только советом.

Старичок шепчет из-за печки, из уголка:

— Правильно! Правильно! Только советом.

И вот девочка сама да по мамушкиной подсказке приготовила тесто, сама его разделала, сама посадила на противнях в истопленную печку.

А как противни вытащила, так и руками за голову схватилась. Хлебы в печке не испеклись, лишь закисли. Девочка в слёзы, мать ахает. Позабыли они второпях закрыть печную трубу вьюшкой, и весь нужный жар из печки раньше времени улетел.

Старичок из уголка посмеивается:

— Это не беда... Это не горе... Это — учёба! Растапливай печку, заводи тесто снова да ладом!

Взялась девочка за всю работу снова да ладом. И когда из наново истопленной печки потянуло поджаристым да запашистым, то на этот аппетитный дух сбежалась вся деревня.

Собрались ближние соседи, собрались дальние соседи, толпятся у крыльца, шумят, спрашивают:

— Что это у вас? Неужто хлеб?

А девочка с матерью выносят караваи:

— Хлеб! Угощайтесь, поправляйтесь!

Девочка добавляет:

— Это от старичка-полевичка, в которого вы не поверили.

— Теперь верим! — говорят соседи. — Теперь бы нам его увидеть, мы бы извинились.

— А вот он! — улыбнулась, оглянулась девочка.

Оглянулась — но рядом нет полевичка.

— Ах! Он, должно быть, остался в избе за печкой.

Побежала девочка в избу — в избе старичка нету.

Вернулась в сени — и там старичка не отыскала.

Заглянула в чулан — вот он, старичок!

Притулился он там за жерновами рядом с тем, со вторым, золотым зерном.

— Покажись людям! — просит девочка.

— Теперь незачем.

— Но они ж в тебя поверили!

— Верить в меня не обязательно. Я был, да и — пропал! Верить им надо в себя. Верить и дело делать, если даже и трудно. Ведь тебе очень трудно было?

— Ох,— говорит девочка,— было! Очень!

— А если бы снова всё? Ты бы не отказалась?

— Пожалуй бы, не отказалась...

— Вот пойди да и расскажи это людям сама, и передай им золотое зерно. Тебе же напоследок завет: если на что доброе решилась, то и впредь от своего желания не отступайся. А теперь — прощай!

И старичок будто растаял. Осталось в чулане за жерновами лишь золотое зерно. Девочка вынесла его к людям, и они золотое зерно посадили.

Поднялся из него большой колос с бессчётным числом зёрен пшеничных. Их достало засеять все пашни. И жизнь в деревеньке пошла хорошая опять. А если случалась беда, то люди, веря в себя, рук теперь не опускали. Они надеялись, они работали, если даже у них оставалось одно-единственное зернышко. Ведь зёрнышко-то, даже и простое, даже единственное, если за ним как следует поухаживать, всегда может обернуться самым удивительным чудом.

С кем подружиться мышке?

Из сказок разных народов

Литературная обработка Л. Кузьмина

ДИВНЫЙ САД – ЧУДЕСНЫЕ ВОРОТА

Жили в степи два старых друга – Асан и Хасен.

Асан возделывал тяжёлой мотыгой скудное поле, сеял пшеницу, а Хасен пас крохотное стадо барашков.

И хотя были приятели бедны, хотя оба давно овдовели, но всё же в жилищах их было не пусто, не одиноко. У Асана росла добрая помощница дочь, у Хасена – умный, работящий сын.

И вот они так бы и поживали, так бы они возле дел своих и кормились, да вдруг грянула беда. Пал на степные отары жестокий мор, и барашки Хасена погибли.

Хасен сам чуть не умер с горя.

– Был я бедняком – стал нищим! Теперь нам с сыном только и остаётся идти в чужие люди, просить милостыню.

– Мы с тобой давние товарищи, так и поступим, как товарищи,– утешил Хасена старый друг Асан.– Выбирай любую половину моего поля, бери, как я, в руки мотыгу-кетмень, и, глядишь, у земли-то как-нибудь и прокормишься.

Что тут делать? Потужил Хасен-пастух, потужил, да и стал тоже землеробом-крестьянином.

Вот он однажды вскапывает дарёную полоску, старается ударить кетменём покрепче, поглубже, и слышит – что-то в борозде как бы звякнуло.

Нагнулся, разгрёб землю, а там – чугунная крышка. Приподнял крышку, да и вздрогнул! Сидит в земле чёрный горшок – в горшке желтеют золотые червонцы! Выхватил Хасен горшок из борозды, к другу своему помчался.

— Асан, Асан! Ты глянь, какой клад подарила тебе твоя земля! Теперь ты самый богатый в степи человек!

Но Асан говорит:

— Нет... Земля эта, Хасен, целое лето уже принадлежит тебе. И всё, что найдено там, тоже твоё.

— Но ведь, когда ты дарил мне землю, про золото ничего не знал!

— Ну и пусть! — отвечает товарищ. — Знал я — не знал, а только дарёного обратно не берут... Да и к чему мне это золото? С ним хлопот не оберёшься, а я уже старый!

— Я тоже старый...

И так бы они спорили долго, если бы Хасен не подсказал:

— Давай поженим детей наших! Они друг друга любят давно и только и ждут нашего согласия. Вот мы им дадим и согласие, и подарим всё это золото. Нам с тобой без трудов, без горьких забот пожить не пришлось, так пускай поживут они.

— Пускай! — кивнул Асан.

Ну, а молодые разрешению на свадьбу свою очень обрадовались и тут же вечерком её сыграли.

Наутро старики сидят, друг дружку с удачей поздравляют, да вдруг молодые подходят к ним и — бах! — опрокидывают, возвращают старикам тот самый, полный червонных монет, горшок.

— Зачем нам его подсунули?

— Как — зачем? Для хорошей жизни!

— Как же это жизнь — без трудов, без хлопот, безо всяких забот? Мы без трудов — обленимся, мы на готовом богатстве — перессоримся, и любви нашей придёт конец! Нет, поступайте с этим золотом, как знаете сами, а нам хватит и того, что вы научили нас жить честно, своим собственным трудом.

И глядят опять Асан с Хасеном на золото, думают: куда ж его девать? Из-за него, из-за такого добра, вот уже и споры пошли!

Думали-думали, наконец, надумали: «Живёт на краю степей один очень мудрый человек, нам без его совета не обойтись!»

Взяли они золото, пошли к тому человеку.

Шли-шли, видят — юрта. Юрта как юрта. Обыкновенная. Из простой кошмы. Но по голосам слышно: в юрте разговор идёт необыкновенный, учёный. Да так оно и есть: сидит там с книгою в руках седой человек, рядом — молодые люди, ученики. Один ученик — в шёлковом халате, с шёлковым поясом. Другой — в халате попроще, но тоже с шёлковым поясом. Третий — в халате совсем простом, заплатанном, вместо пояса — ситцевый старенький платок.

И тому, и другому, и третьему поклонились Асан с Хасеном, а червонцы высыпали перед мудрецом. Так, мол, и так — что с ними делать? Окажите милость, дайте совет.

Мудрец пришедших выслушал, на золото глянул спокойно, обернулся к ученикам:

— Ну? Как бы распорядились этим золотом вы, мои ученики?

И сказал ученику в шёлковом халате:

— Отвечай первым... Ты — из ханского рода, ты видел, как богатейшие в ханстве люди поступают в таких случаях...

— Я бы поступил, как сам наш великий хан! Забрал бы золото себе! — не сморгнув глазом, ответил этот ученик.

Мудрец отвернулся от него хмуро, дал знак второму ученику, тому, что был одет чуть проще:

— А ты сделал бы как? Ведь твой отец и твои дядья хану не родственники... Они всего лишь у хана давние слуги.

— Вот и сделал бы я всё, как дóлжно примерным слугам! Преподнёс бы золото хану, а уж он, глядишь, не обделил бы и меня! — мигом ответил ученик второй, и опять мудрец хмуро-прехмуро отвернулся.

Тут наступила очередь ученика в халате заплатанном.

— Ну, а ты, юноша, что нам скажешь?

— Да что я скажу? — поднялся, пожал плечами этот ученик. Скажу, что близ ханского дворца мне бывать не приходилось никогда. А жил я до тебя, учитель, меж бедного, ничем не знатного люда. Изо дня в день, из года в год трудится этот люд, а счастья-радости почти не видит... Вот для него на золотые-то червонцы я и устроил бы в нашей сухой, голой степи дивный сад! И пускай бы они, бедняки, в этот

сад приходили, и пускай бы им там было хоть день, хоть час, да радостно, светло!

— Истинно так! Устами твоими говорит сердечность и справедливость! — воскликнул мудрец, и поднялся, и юношу поцеловал.

Потом спросил Асана и Хасена:

— По нраву ли вам такое решение?

— По нраву! По душе! — ответили Асан и Хасен. — Этот ученик у тебя самый толковый. Он даже толковее наших детей.

— Так позвольте ему червонцы и взять. И пускай он пойдёт в степь, свою мечту исполнит.

— Пусть исполнит! — сказали Асан с Хасеном.

И юноша собрал червонцы в дорожную суму и отправился в путь-дорогу.

Но пошёл он сначала не в степь, а в ханскую столицу. Он хотел там нанять наипервейших садовых мастеров, хотел накупить наилучших семян и саженцев для своего прекрасного сада.

И вот — столица. На всех улицах, в переулках, в закоулках — шум, гам. Особенно шумно на базаре. Торговцы кричат, медники да серебряники стучат, покупатели галдят. Такое на базаре столпотворение — голова кругом! Не может юноша отыскать то, что ему надобно. А тут ещё вдруг слышит: катятся по базару какие-то совсем непонятные звоны-перезвоны и стоны ужасные.

Огляделся в испуге юноша, а через толпу, через площадь шагает враскачку, вздымает пыль верблюжий караван. Звоны-перезвоны — это бубенцы, а стонет — живая кладь на верблюдах. В клетках, в путах, в сетях навьючены на горбы верблюдов живые птицы, и все они полуденным зноем, долгою дорогой измучены, все жалобно гомонят.

Плачут лебеди, курлычут горько журавли, стонут степные дрофы, а кулики, жаворонки, ласточки и голосов уже не подают.

Не стерпел юноша, кинулся к караванщику:

— Чьи это птицы? Для чего их так много наловили? Куда вы их везёте?

Мрачный важный караван-баши отвечает:

— К ханскому столу во дворец... Отойди, не мешай! Мы торопимся. Хан сулил нам пятьсот золотых монет.

И как заслышал это юноша, так сорвал с плеча тяжёлую свою суму, распахнул перед глазами караван-баши:

— Тебе обещали пятьсот, а тут больше! И всё твоё, если птиц освободишь!.. — воскликнул, не помня себя, юноша. И караван-баши, тоже не помня себя, закричал помощникам:

— Освобождай птиц! Режь путы!

Словно могучая буря грянула над базаром, когда ударили по воздуху свободными крыльями лебеди. Словно радостный вихрь зашумел, когда рванулись к небесам красавцы-журавли и пёстрые дрофы. Будто весенний ветер ударил, когда взметнулись к солнышку жаворонки, кулики, ласточки. И все они возносились теперь выше да выше, всё уходили дальше и дальше от городских кровель, от городских стен.

«Летите! Летите!» — махал им юноша. «Спасайтесь!» — подгонял он их, и сам бежал вслед. А караван-баши, всё ещё не веря в свою удачу, обнимал сумку с червонцами и бормотал юноше вдогон:

— Вот так полоумный! Вот так глупец!

А юноша и впрямь бежал за стаями, как весёлый сумасшедший. Но вот когда он оказался далеко в степи, то вдруг опомнился:

— Что же я такое натворил! Пожалел птиц, а о своём обещании забыл совсем!

И он тронул ладонью свой бок, по которому ещё совсем недавно стукала тяжёлая, с червонцами сума, и покачнул горестно головой, и заплакал, и поплёлся, не ведая сам куда.

Плёлся, плёлся — слышит голосок жаворонка. Да не просто жаворонок песенку над степью рассыпает, а ясно выговаривает:

— Не гор-р-юй, не гор-р-юй! Добрый человек, не горюй!

— Ты почему не улетел? Смотри, опять изловят...

А жаворонок отвечает:

— Не улетел, потому что услышал, как плачет твоё горе. Не унывай, не терзайся, подожди меня тут, я соберу к тебе славных помощников!

«Каких он, малыш, может собрать помощников?» — вздохнул юноша, но сел на реденькую траву и стал ждать.

Ждал-ждал, а жаворонка нет. Ещё подождал, солнышко на закат склонилось, а жаворонка и теперь не видно. Притомился юноша ждать, начал задрёмывать, да тут как бы вновь прошумел ветер.

Вкочил юноша, а это — вернулись те самые птицы. Они — малые и большие — опускаются на вечернюю степную землю с алых вечерних небес. И у каждой птицы в клюве: у малой — малое семечко, у большой — большая зелёная ветка. Юноша не успел ахнуть — взрыли птицы лапками степную землю, посадили ветки, посадили семечки.

Юноша не успел крикнуть «спасибо» — исчезли птицы, будто их и не было. Остался лишь висеть в тёплом воздухе тот жаворонок со своими братьями да со своею песенкой: «Не гор-р-юй! Не гор-р-юй!»

И там, где жаворонки дружно и высоко звенели, где они крылышками махали, там безо всякой тучи лился на взрытую землю мелконький, частый дождик.

Под этим дождиком саженцы-ветки прямо на глазах становились тенистыми деревьями, каждое семечко — прекрасным цветком, а сам весь сад вдруг широко и далеко опоясался серебряной стеной с серебряными воротами.

— Вот! А ты гр-р-устил! — пропел на прощание жаворонок, нырнул с братцами-певунами под кустик на ночлег.

А юноша тронул ворота, и они сами перед ним раскрылись.

Всю ночь не спал юноша. Всю ночь он ходил при лунном свете по тропинкам сада и радовался: «Свершилась моя мечта! Утром скажу жаворонкам, пусть скликают сюда весь бедный степной люд!»

Но на утренней заре к садовым воротам примчались не бедняки, а те, у кого есть лучшие, резвые кони. Прискакали первыми ханские прислужники — богатеи, вельможи.

И вот они в ворота стукнули, а ворота — не отворяются! И стали по воротам со всего маху бить, колотить, а ворота, хотя и серебряные, да не гнутся, не ломаются. Обломали об

них богатеи только свои кулаки. Обидно стало богатеям, досадно. И тогда они друг другу говорят:

— Никаких ворот здесь не было и нет! И сада за воротами тоже нет! Это всё сон!

И повернули коней домой.

А бедные люди идут пеша, усталые поддерживают усталых, но всё идут, всё не останавливаются.

И вот перед ними серебряная ограда; и через ограду так и ломится прохладная листва. Румяным-румяны в листве крупные яблоки. Наливает сладким соком тяжёлые гроздья виноград; слышно, как в тени за оградой льются по камешкам чистые ручьи.

Ну, а чудесные ворота, не успел бедный люд подойти к ним, пропели, как жаворонок: «Не гор-р-юйте!», да и сами — нараспашку!

Замешкались бедные люди у ворот, робеют, шепчутся:

— Неужто это само небо создало такую радость? Можно ли нам сюда?

А юноша выходит из-за яблоней, улыбается. Всем улыбается и говорит:

— Кое-кто тут с неба, конечно, спускался... Но вы не бойтесь, заходите! Отдыхайте, веселитесь! А я пойду в степь, позову сюда ещё двух наших друзей. Тех друзей, без которых даже и небесные посланники ничего бы тут не сотворили.

— А ты сам-то кто в здешнем саду? — спросили юношу гости.

— Да никто! Такой же, как вы, простой человек... — ответил юноша и пошел разыскивать Асана с Хасеном.

ПАРЕНЁК, ХОЗЯЙКА И КОСМАТОЕ ЧУЧЕЛО

Ходил-бродил по белу свету один паренёк, искал честного пропитания. Наконец удалось ему наняться в работники к хозяйке богатого хутора.

Утром доит он коров, выгоняет их в поле. До обеда косит сено, сушит, складывает в копны, потом спешит в лес рубить дрова. К вечеру опять обихаживает скотину, а ночью — спит не спит — охраняет богатый дом от воров...

Круглыми сутками трудился этот славный паренёк. Да вот хозяйка-то у него оказалась жадная. А хуже того — скандальная, злая. Что ни сделай — всё не так, всё мало. За всё вместо спасибо паренёк только и слышит:

— Лодырь, бродяга, дармоед!

Изругает хозяйка по-всякому паренька, да ещё и непременно добавит:

— Образина ты неумытая, косматое чучело!

И, конечно, стало пареньку невтерпёж. И не уходил он с этого хутора, от этой хозяйки только потому, что не мог получить заработанные денежки. За руганью-бранью хозяйка про заработок-то даже ни разу и не вспомнила. И вот терпел, терпел паренёк — решил хозяйку как следует проучить.

Собрался он однажды по дрова в лес, взял верёвку, взял топор и говорит хозяйке:

— Мне бы с собой ещё мешок...

— Ах ты, болван! Зачем тебе мешок? Дрова, чучело ты косматое, в мешке не носят!

— Да я — не дрова, я — золото...

— Какое золото?! — так и подпрыгнула хозяйка. — Какое такое золото? Где?!

— В лесу... В старом колодце... Я там клад нашёл. Золото всё дно устилает, так и блестит.

— Что же ты, образина, раньше молчал? Что же ты, чучело, на месте топчешься? Никакого мешка тебе не будет — мешок понесу сама... Давай шагай, показывай дорогу!

Парёнек только этого и дожидался. Он впереди шагает, в ладошку посмеивается, хозяйка за ним семенит трусцой.

А на опушке леса, на заброшенной усадьбе, и в самом деле находился глубокий колодец. Воды там давно не было, блестели на дне только скользкие гнилушки. Но хозяйке от жадности всё теперь кажется золотом, она смотрит в колодец через край сруба.

— Ах, как там отсвечивает! Ах, это и впрямь червонцы! Как бы достать их побыстрей?

Паренёк подсказывает:

— Держи крепко верёвку, я спущусь, всё золото соберу в мешок.

— Нет уж! — Не отдаёт мешок хозяйка. — За таким богатством спущусь сама! Верёвку подержи ты, я тебе за это одну монетку дам.

Ну, а пареньку такое лишь на руку!

Спустил он хозяйку в колодец, верёвку выдернул наверх и пошёл спокойнёхонько дрова рубить. «А хозяйка моя пускай в колодце поостынет, пусть знает, как ругаться, как обзываться».

Только слышит: хозяйка в колодце не утихает. Она ещё пуще там шумит. Такая брань доносится с колодезного дна, что в срубе все брёвнышки шевелятся, подскакивают, скрипят.

«Ничего! — думает паренёк. — Уймётся её злость не сейчас, так к вечеру».

Сам уходит всё дальше, всё работает — рубит хворост на дрова, а к вечеру говорит:

— Пожалуй, хозяйка моя уже раскаялась. Надо её простить и вытащить.

Вернулся к колодцу, распутывает верёвку и впрямь слышит: хозяйка внизу только горестно ойкает. Причём ойкает теперь не визгливым прежним голосом своим, а престранным басом.

«Ну,— пожалел тут совсем хозяйку паренёк,— она не только у меня исправилась, у неё с перепугу даже голос переменился. Самое время её поднимать...»

— Эй, хозяюшка, держись крепче!

Бросил паренёк конец верёвки, верёвка сразу натянулась. Чувствует он, что живой груз там, внизу, стал слишком что-то тяжёл.

«Неужто хозяйка в самом деле нашла золото?»— подумал паренёк.

И вот что есть сил тянет и тянет, перед собой смотрит, а из колодца на верёвке поднимается чудище-косматище небывалое! Всё оно — в шерсти, голова — с бычьими рогами, глаза — по чайному блюдцу. И всё оно, видно, от страха дрожит. За верёвку лапами ухватилось, трясётся, оглядывается вниз.

Паренёк маленько испугался, но сильнее всего удивился: «Ишь, как хозяйку-то в колодце перевернуло! Не только голос другим стал, а и сама превратилась незнамо во что!»

Вслух же спрашивает:

— Ты ли это, хозяйка?

— Не-ет!— басит и вздрагивает чудище.— Хозяйка твоя осталась на дне, да пускай там и остаётся. С ней никому несдобровать! На что уж я, здешний лесной колодезный житель, люблю сам кого-нибудь попугать своим басом да эхо́м, но с твоей хозяйкой не управился и я... Она сама меня так напугала, так изругала, что мне в моём родном колодце больше и минуточки не пробыть. Пожалуйста, вытаскивай!

— Да вот,— говорит паренёк,— я тебя уже и вытащил. Но и хозяйку надобно поднять... Мне с неё полагается получить заработанные денежки.

— Забудь про денежки! Всё равно не отдаст!— взмолилось чудище.— Я само тебя озолочу! Я тебе пол здешнего государства преподнесу!

— Как так?

— А вот так: проберусь к вашему королю-государю во дворец, проникну в покои к его дочери-королевне. Там напущу на неё такую грусть-тоску, что она день и ночь плакать будет, худеть да бледнеть. И тут, как полагается, король станет искать для дочери лекаря. Станет он обещать тому лекарю полгосударства. Ну вот ты и отзовись! А как к королевне впустят, так кричи на все покои: «Уходи прочь, Косматое Чучело!»

— Ты разве — Чучело? — удивился ещё больше паренёк. — Это ведь меня хозяйка таким прозвищем обзывала.

— Тебя обзывала, а меня в колодце била, колотила. Так что настоящее Чучело теперь я... Но слушай дальше. Когда ты закричишь, тогда я убегу, и девица-королевна тут же улыбнётся, засмеётся, зарумянится — сама тебе скажет: «Будь моим женихом!» Тут ты и получишь полгосударства. А я скроюсь в другое королевство. Там тоже королевна есть. На неё я тоже наведу кручину. Но как бы тебя к ней потом ни приглашали, ехать туда не смей! Там у тебя ничего уже не получится. Там я тебя не послушаюсь, и ты лишь опозоришься. Даже потеряешь свои полгосударства, потому что делать всё одни лишь добрые для тебя дела я не в силах... Не тот у меня нрав!

Поглядел на Чучело паренёк, почесал затылок, кивнул:

— Ладно! Хозяйка пускай посидит в колодце, я ей туда сухарей сброшу; а ты, Чучело Косматое, иди выполняй обещанное.

И вот прошёл тот вечер, пролетели ночь и другой день — скачут по пыльным дорогам королевские гонцы, в трубы трубят, криком кричат:

— Занедужила королевская дочь: не ест, не пьёт, худеет на глазах... Кто её вылечит — получит полгосударства!

Отозвался паренёк на тот клич, явился во дворец, его сразу ведут в девичьи покои.

Там в серебряном уголку на серебряной скамеечке сидит королевна красоты несказанной. Горючие слёзы льёт, их с бледных щёк даже не утирает, грустного взгляда ни на кого не поднимает.

Остановился паренёк у порога, громко вскричал:

— Уходи отсюда прочь, Чучело Косматое!

И — диво! Шевельнулось, мелькнуло что-то тёмное по-за серебряной скамеечкой, выскочило тенью лохматой в раскрытое окошко, а королевна со скамеечки поднялась, улыбнулась, пошла лёгким шагом через все покои к пареньку.

На ходу зарумянилась, как зорька, и сказала:

— Ты избавил меня, добрый молодец, от горя-кручины, так будь моим женихом!

Король вбегает в покои, тоже радостно говорит:

— Будь, будь! Объявляю тебя своим названым сыном, дарю тебе полгосударства, а наварим пива-мёду — сыграем и свадебку! Станешь королевским зятем!

Но вот, пока мёд-то варили, случилось в соседнем королевстве с их королевной такое же несчастье.

А про паренька-лекаря там уже слышали.

И гонцы ихние мчат, скачут не по сёлам, не по хуторам, а торопятся, правят прямо к этому дворцу. Трубят в медные трубы, громким стуком стучат в дубовые ворота:

— Поехали, лекарь, теперь к нам!

Паренёк вспомнил про свой уговор с Косматым Чучелом, про то, что ехать он во второй раз никуда не должен, и он гонцам отвечает из-за крепко запертых ворот:

— Я теперь не лекарь. Я будущий королевский зять.

— Ах так? — сердятся гонцы. — Ах так? Тогда наш государь на вашего государя — твоего будущего тестя, на всех ваших сельских и городских жителей войной пойдёт! Сейчас же выходи! Поехали!

Делать нечего, хуже войны никакой беды не бывает. Поклонился паренёк невесте, поклонился названому отцу, не сказал им про свою думу-закавыку ни словечка, лишь вздохнул тишком: «Пускай я теперь и невесту милую, и полгосударства потеряю, да уж лучше этак, чем война. Жил я один в бедности и проживу снова один в бедности. Зато ни к кому не придёт военная погибель...»

И отомкнул он сам тяжёлые ворота, поехал с теми гонцами.

Привезли его в другое королевство-государство, тамошний король на дворцовом крыльце ждёт. Он хватает

паренька за руку, чуть ли не бегом ведёт кверху, в девичьи покои.

Там, в уголке, украшенном жемчугами, на мягком креслице, расшитом золотым шитьём, сидит, плачет красавица-королевна. Слёзы горючие у неё по белым щекам так и льются, глаз она своих не поднимает ни на кого.

Глянул на неё паренёк, сердце у него зашлось. Он громко сказал:

— Чучело Косматое! Ты давай убирайся и отсюда!

И колыхнулась за расшитым креслицем чёрная тень, выскочило из-за спинки креслица Чучело Косматое, зарычало:

— Так-то ты исполняешь уговор! Так-то ты своё слово держишь! Ну, постой... Сейчас тебе будет плохо!

И пошло оно, и пошло на задних лапах прямо на паренька. Рычит, зубами стучит, рогами качает.

В дворцовых покоях все от великого страха упали без памяти, а паренька вдруг словно что осенило. Он приставил к губам палец, Чучелу быстро говорит:

— Тс-с... Тихо! Моя хозяйка из колодца выбралась, сюда вслед за нами прибежала, стоит вот тут, близёхонько, за дверью.

И повернулся к двери, взялся за скобку, будто решил дверь отворить.

— Не надо! — так и ахнуло, так и присело Чучело. — Не отворяй! Меня уж тут нет!

Ударило Чучело головой в окно, прошибло рамы и стёкла, выскочило во двор, а там — за ворота. За воротами — в поле, за полем — в лес, а за лесом — неведомо куда...

Чучело исчезло, очнулся здешний король со свитой, королевна открыла глаза.

— Ах, — говорит королевна, — как светло, свободно!

Она улыбнулась во всю красу своих алых губок, даже засмеялась, пошла по коврам к пареньку, протягивает ему ладони:

— Ты спас меня! Будь, добрый молодец, моим женихом.

— Нет, — отвечает паренёк, — женихом твоим я быть не

могу! В другом дворце у меня уже есть невеста наречённая.

— Тогда подарок хоть возьми! Полгосударства! — говорит король, и от этого подарка паренёк не отказался.

И вот: здесь полгосударства, там полгосударства — стал паренёк государем над государством целым.

Вернулся он к своей суженой, поклонился тестю-королю, велел звать на свою свадьбу не только столичных горожан, но и сельских мужиков с их жёнами, с их ребятишками. Пригласил каждого: большого и малого, молодого и старого — всех, от кого военное лихо отвёл. И каждого усадил за тесовый стол, каждого угостил пряниками печатными да медами сычёными. Взял невесту за руку, сел с гостями рядышком весёлые песни петь.

И тут один бывалый, захожий мужичок поведал ему, что будто бы Косматое Чучело от чего спасалось, на то опять и нарвалось. На всём-то бегу ухнуло оно в прежний колодец, в прежнюю компанию к той хозяйке...

Ох и шум у них там вышел, ох и шум! Да, видать, они поняли вскоре друг друга, разобрались, что один другого не лучше, и — помирились. Так помирились, что когда хозяйкина родня хозяйку отыскала и стала звать наверх, то ни она, ни Чучело из колодезной тьмы в ответ — ни гугу!

— Ну и пусть там живут! — засмеялся молодой король-паренёк. — А мы, братцы, будем жить при ясном солнышке, и наша дружба будет ихней покрепче, посветлей. Навидался я, натерпелся до сей поры всякого, и ничему злому быть во своём государстве не позволю!

— Хорошо бы так-то! — заулыбались все гости-мужики и давай снова поздравлять, славить жениха с невестой.

ДЕВУШКА В БЕЛОЙ ШУБКЕ

Трудолюбивый народ — дунгане жили у подножья высокой-превысокой горы. И струился под этой горою обильный родник, он давал воду для полей, для садов, для огородов.

Но дунганам хотелось развести свои угодья и на другой горной стороне; им желалось и там выращивать душистые дыни, сладкие арбузы, да только воды-то там почти не было.

Сто лет почти не было, двести лет не было, да вдруг вода из того щедрого родника под горою прошла, и на втором склоне зажурчал тоже светлый ключик!

А как он прошёл, кто ему путь проложил, — знает лишь старая сказка. Вот эту сказку и слушайте!

Близко от первого родника жила-была без отца, без матери, со злою мачехой девочка Айша́.

Никуда, кроме как по воду к роднику да полоть в огороде грядки, Айшу мачеха не выпускала. И только вот, когда Айше исполнилось тринадцать лет, она выплакала, напросилась у мачехи, чтобы та взяла её с собой на сельскую площадь послушать, как там один захожий священнослужитель будет читать вслух священную книгу.

Пришли они на площадь, вместе со всем народом встали, первым делом видят: перед служителем — кудлатым, бородатым, хмурым — на земле глубокая миска. Служитель рукой, молча, показывает: «В эту, мол, миску сначала надо набросать денежек, а потом будет всё остальное...»

Народ в селении — справный, денежек набросал быстро и всяких.

Служитель раскрыл книгу, читает вроде бы складно, да ничего не разберёшь:

— Бу-бу-бу... Бу-бу-бу...

Он бубукает, читает, а сам всё поглядывает на Айшу. Сразу видно, она ему по нраву. Он на неё чаще, чем на книгу смотрит.

Народ шепчется: «Этот служитель — не взаправдашный... Он — притворный...» — и давай все расходиться по домам.

А мачеха сама не уходит, стоит, и Айше уйти не даёт.

Служитель пальцем мачеху к себе подманивает, говорит ей на ухо:

— Отдай мне твою девчонку в жёны... А потом я своими молитвами устрою её вместе с собою прямо в рай!

Мачеха глупа-глупа, но тут отвечает:

— Отдам! Только, кроме будущего рая, выкладывай-ка сразу ещё и выкуп! Сто серебряных монет!

Кудлатый, бородатый порылся в миске, меж тёмных медяков насчитал серебряных монет совсем немного. Высыпал их обратно, вздохнул:

— Такой выкуп мне раньше, чем через три года не собрать.

— Тогда, — заявляет мачеха, — через три года за невестой и приходи! А я даю слово, для тебя её сберегу. Так стану беречь, что никто её не увидит и вполглаза!

Дала мачеха этому человеку такое слово, ухватила Айшу за руку, поволокла домой. Тащит, хихикает, приговаривает:

— Через три года будешь в раю!

Дома отвела мачеха Айшу на задний, совсем тесный, совсем глухой дворик. Вокруг дворика высокие, гладкие стены; оттуда, как из колодца, только небо да вершину горы можно увидать.

Во дворике — чтобы пить — из-под стены в стену узкий ручей точится. По краю ручейка — мох да бледная, бедная трава с двумя-тремя над ней кустиками. А сам дворик — накрепко дверью закрыт. На двери снаружи — увесистый засов, он заперт железным замком, ключом. Ключ — у мачехи на поясе.

Мачеха сама три раза в день просовывает Айше в дверь котелок с едою, каждый раз поучает:

— Зря времени не теряй! Не плачь, а молись. С молитвой-то да со своим бородатым женихом через три года попадёшь в рай наверняка!

Только, окружённой со всех сторон глухими стенами, молоденькой Айше молитвы на ум не идут. С горя она складывает, тихонько напевает такие вот песенки, вроде этой:

Стена! Через тысячу лет
От тебя пропадёт даже след.
Я тоже могла бы так долго ждать,
Но я не хочу пропадать!

Напевает она однажды такую песенку, и вдруг из самой тёмной тени двора, из-за самого неприметного там кустика ковыляет к ней заяц. Очень дряхлый заяц, от старости седой и хромой.

Обрадовалась Айша, что вместе с нею в застенке всё же кто-то живой обретается, принялась угощать зайца остатками своего обеда. Потом на колени к себе посадила, по мягкой шёрстке ладонью погладила, давай убаюкивать песенкой нежной, колыбельной.

Так заяц с нею рядом и прижился. От неё он больше не прятался. Только вот всё молчал и молчал.

Но как-то раз в минуту совсем уж печальную Айша стукнула по стене кулачком, сказала грустно:

— Неужто мне здесь и сидеть целых три года? Неужто потом за какого-то обманщика идти замуж, а хорошего, девичьего счастья так и не увидать?

И седой заяц с колен её спрыгнул, ушки свои длинные поднял торчком, и даже, как рукой, взмахнул лапкой:

— Увидишь! Настоящее счастье и свободу, если пожелаешь, ты увидишь!

Айша, услыхав от зайца голос не заячий, а человечий, сначала испугалась.

Но заяц объяснил:

— Не бойся! Ведь звери, если только захотят, все чуть-

чуть по-человечьи говорят... А я-то, заяц, ещё и волшебный! Я с тобой не только поговорю, я тебе помогу.

Поковылял заяц к тому, в тёмной тени, кустику, выносит оттуда белую заячью шубку.

— Вот! Эта шубка — моя зимняя... Она мне больше не нужна. Моя жизнь кончается, как всё на свете кончается, а твоя жизнь — начинается. Ты эту шубку только лишь накинешь, так сразу и обернёшься тоже зайцем. А зайцы умеют норки рыть! Вот и выроешь ты норку-ход и под глухою стеной, и даже на другую сторону высокой горы, подальше от злющей твоей мачехи. Там тебя ждёт свобода, ждёт и счастье!

— Ой, — говорит Айша, — мачеха ко мне с обедом придёт, меня зайцем увидит, загонит в клетку, похуже этой...

— Не загонит! Ты шубку скинь, опять станешь девочкой.

— Но как далеко мне норку рыть? — спрашивает Айша. — Под землёй я могу заблудиться на веки вечные.

— Не заблудишься... — объясняет старый заяц. — Я каждый раз, когда шубки свои расчёсывал, то все до одной шерстинки собирал вместе. А из шерстинок длинную нитку спрял. Получился целый клубок. Он в шубке лежит, в кармашке. Ты нитку здесь к кустику привяжи, потом рой норку сначала вниз, а затем — всё прямо да прямо... Сама клубок за собой не забывай разматывать. И как только он кончится, тут — и другая сторона горы, тут и надо выходить тебе к солнышку.

— А нарытую глину куда из норки девать? Глину мачеха вмиг заметит! — волнуется Айша.

Только мудрый заяц и тут ей дал мудрый совет. Он объяснил, что глину следует спускать в дворовый ручеёк, и там быстрое течение всю глину размоет, унесёт с собой безо всякого остатка.

Ну а ещё заяц сказал:

— Долго тебе, Айша, придётся трудиться, но ты всё равно не теряй надежды! А теперь — прощай!

И он исчез. И осталась у Айшы в руках только белая шубка.

Накинула она шубку себе на плечи и сразу чувствует,

сразу видит: руки её стали меньше, ноги стали меньше, всё тело сделалось маленьким, только уши — длинными-предлинными. Да и руки, уже совсем не руки, а настоящие лапки, и на них — острые коготки. Царапнешь землю — получается от коготков ямка!

Тут ключ в двери повернулся, засов на двери звякнул — мачеха обед несёт.

Айша мигом шубку скинула, стоит перед дверью как ни в чём не бывало.

Мачеха с подозрением спрашивает:

— Чего это ты сегодня вроде как повеселела?

Айша мачехе отвечает:

— Это я по вам соскучилась. Вашему приходу радуюсь.

— Ну, радуйся, радуйся...— говорит мачеха.— Вечером опять приду, ужин принесу.

Но Айша ещё до вечера, не теряя ни одной минуты, опять стала зайчиком и принялась рыть свою норку.

Рыла она и после ужина, рыла и на другой весь день, и так — сутки за сутками. Выходила только тогда, когда железный засов на железной двери загремит, а на другие дела, даже на песенки, больше не отвлекалась.

И сколько прошла-прорыла, всё измеряла ниткой с шерстяного клубка.

Но медленно разматывалась эта нитка, медленно подавалась вперёд трудная, подземная работа.

Однажды совсем было остановилось всё дело. Скребёт девочка-зайчик коготками глину, скребёт, но земля, будто каменная, не поддаётся. Обрыла это место Айша вокруг, а там... фарфоровый кувшин! Да не пустой кувшин, а спрятан в нём серебряный слиток! «Ну, мне он пока что ни к чему...»— подумала Айша, засыпала кувшин опять глиной, копает подземный ход дальше.

А время-то уже на третий год пошло. И моток ниток становится всё меньше. И Айша совсем не маленькая девочка теперь, а вполне взрослая девушка.

И вот — моток вдруг кончился. Айша соображает: «Надо теперь не вперёд, а вверх копать!»

Копала, копала,— что такое?!

В глаза бьёт свет, но она не в поле, не на лугу, не в роще, а в тёплом, светлом домике, в комнате. Да не просто в комнате, а в чьей-то кухне.

«Тук-тук!» — стучит по кухонному столу кухонный ножик. Катается по мягкому тесту, по доске деревянная скалка. Пылает в плите красный огонь — на кухне чистенькая, беленькая старушка лапшу стряпает.

В огонь старушка подбрасывает прутья сухого хвороста. Прутьев в углу кухни сложена большая куча,— за нею-то и вышел на поверхность девушкин лаз.

Притаилась девушка-зайчик в прутьях, наблюдает оттуда за старушкой. Та спешит, стряпает, у огня хлопочет, сама с собою разговаривает:

— Вечернее солнышко на закат идёт, скоро мой сын Абду домой возвратится, есть после дальней дороги запросит, а у меня до сей поры ничего не готово. Лапша недостряпана и вода в котле всё ещё не кипит. Видно, стара я стала, нерасторопна, совсем не гожусь никуда! Вот была бы у меня в доме молоденькая невестка, она бы управилась живо!

За окном в это время — топы-топ, топы-топ! — застучал по дороге копытцами ослик.

У крыльца ослик остановился, в домишко входит высокий, статный красавец-парень.

Старушка так его и обнимает, и пыль с его халата обмахивает, снуёт по кухне, хватается то за чайник, то за чашки:

— Садись, милый сынок! Первым делом чайком тебя после дальней дороги напою...

Сын говорит:

— Спасибо, мама! А я тебе, глянь, какой с рынка подарок привёз!

И вынимает из-за пазухи новый платок. Вынимает, накидывает матери на плечи.

Мать радостно улыбается:

— Балуешь, старую, меня! Поди, истратил кучу денег...

Сын отвечает:

— Сколько на подарок истратил — не важно. Куда важней — сколько сегодня выручил на рынке за наши овощи с нашего небольшого огорода... А выручил я хорошо.

— Вот и славно! — говорит старушка. — Значит, ещё разок-другой съездишь на рынок, и тогда и дела наши немножко поправишь, да и, возможно, решишь найти себе, наконец, добрую жёнушку.

— Ах, мама, мама! Ты всегда всё твердишь мне одно и то же! — смеётся сын.

И сидят мать с сыном у огня, так вот славно беседуют, а девушка-заяц прячется за грудой хвороста и вздыхает чуть ли не вслух: «Счастливый этот дом и счастливые, хорошие живут в нём люди! А я-то думала, счастья на свете нигде уж нет...»

Тут она вдруг вспомнила, что ей самой зо дворик-темницу мачеха скоро принесёт ужин, и нырнула в норку, стремглав понеслась к той железной двери.

Мачеха ключами звенит, засовом брякает, ставит на землю котелок, девушку спрашивает:

— Ты чего это вся такая упаренная?

— Да вот простыла, наверное, немножко... У меня жар! — говорит девушка, а сама прячет заячью шубку за спиной.

— Что ты, что ты! — говорит мачеха. — Болеть не смей! Третий год кончается, скоро тот кудлатый жених за тебя выкуп принесёт и заберёт тебя, как обещал, в рай!

— Не буду болеть... Мне уже лучше... — отвечает Айша.

Так мачеха ни о чём и не догадалась. А девушка Айша стала наведываться в уютный домик на той стороне горы чуть ли не каждый день.

Уедет паренёк Абду на своём ослике на рынок или ещё на какую-нибудь работу, его мать-старушка погреться на завалинке, на солнышке выйдет, а проворная Айша скинет шубку, да и давай в домике полы подметать, посуду мыть, аккуратно расставлять по полкам чашки, блюдца.

Старушка приходит домой, изумляется:

— Кто это мне помогает?

Даже сыну стала о таких чудесах рассказывать. Но сын разводит руками:

— Это, мама, ты делаешь всё, конечно, сама. Только вот почему-то не помнишь...

— Значит, совсем одряхлела, вот и не помню,— соглашается мать.

А один раз поздним вечером снял с себя Абду рубаху, говорит матери:

— Смотри, совсем она износилась, прохудилась... Пожалуйста, почини.

Мать сказала:

— Положи рубаху на подоконник, я её починю утром. А то при вечернем свете мне и нитку в иголку не вдеть.

Поговорили они так, спать улеглись, на утро старушка ищет на подоконнике рубаху.

Ищет, ищет, даже рукой там шарит,— рубахи на подоконнике нет!

Абду тоже проснулся, мать первым делом про рубаху спрашивает, а та испуганно отвечает:

— Так ведь она пропала!

— Почему это пропала?— сначала удивляется, потом даже смеётся Абду.— Она лежит чистенькая, гладенькая, славно заштопанная рядышком со мной! Ты, мама, что? Опять про собственное старание позабыла?

И тут мать говорит:

— Нет! На этот раз не забыла! А думаю: у нас, в нашем доме завелась какая-то добрая волшебница.

Абду всё же опять смеётся, опять он матери не верит. Так на том история с рубахой и закончилась.

Но вот случилась у Абду совсем настоящая, горькая-прегорькая беда.

Здешний правитель послал всех здешних парней камни в горах ломать, для своей крепости камни с гор в долину свозить. И с тяжёлою такой поклажей ослик Абду со скользкой, высокой тропки сорвался, и — убился...

Пришёл Абду домой только с уздечкой, повесил её на гвоздь, сам весь в слезах:

— Как, мама, жить теперь будем? Ведь без ослика мне — ни на работу, ни на рынок...

Мать пуще сына расстроилась. Даже заболела. Она и раньше была некрепкая, а тут совсем слегла. Сыну говорит:

— Теперь тебе ещё и стряпать самому себе придётся...

А пока пойди на кухню, кипяточку хоть нам обоим скипяти.

Вздохнул Абду, поплёлся на кухню.

Но только туда зашёл, только наклонился, чтобы взять с пола хворосту, а там лежит — фарфоровый кувшин, в нём большой-пребольшой серебряный слиток! Так весь внутри кувшина и светится, будто после весеннего дождика месяц!

Остолбенел Абду, ничего не может понять. Потом схватил слиток, бежит с ним к матери.

Мать ему шепчет:

— Вот! Мои слова про волшебницу в нашем доме — справедливы! Надо как-то её увидеть, надо отблагодарить...

И Абду задумался, потом тоже говорит шепотком:

— Мы сделаем вот как... Мы будто бы из дома друг с дружкой выйдем, но ты тут оставайся, лежи... Лежи, посматривай и, возможно, кого и увидишь...

И он обулся в рабочие башмаки с твёрдой, толстой подошвой, сказал громко, на весь домик:

— Ну, мама, собирайся! Пошагали!

Затопал грубыми башмаками по полу, хлопнул посильнее дверями, затопал по крыльцу, прохрустел камешками по дворовой дорожке. А за оградой, за двором разулся, да и стал на цыпочках возвращаться к дому.

Девушка в шубке, Айша, на эту хитрость-то здесь и поддалась! Она и впрямь решила: в домике никого нет. Вылезла из норки, скинула шубку, держит её под мышкой, идёт из кухни в комнату. По пути веник с собой прихватила, хотела уборкой заняться.

Но старушка за шубку да за руку Айшу — хвать! — и кричит сыну:

— Абду! Абду! Вот она — волшебница! Вот! Да посмотри, какая она красавица! Такие красавицы приходят, наверное, только с неба!

Абду — дверь нараспашку. И так в двери и застыл. Потом даже поклонился и говорит ей благодарно, негромко:

— Спасибо тебе, прекрасная волшебница... Спасибо за всё...

А девушка Айша отвечает:

— Ну что вы, добрые люди! Ну что вы! Какая я вол-

шебница! Я самый обыкновенный человек. Волшебная у меня только шубка, вы отдайте мне её...

И рассказала Айша старушке и её молодому сыну про свою беду-историю, и старушка сказала:

— Не надо тебе, милая Айша, эту шубку снова надевать. Возвращаться к мачехе тоже не надо. Я, если ты не против, сватаю тебя за своего сыночка Абду! Видишь, с какой любовью он на тебя смотрит? Видишь, он на тебя насмотреться не может! Да и тебе он, кажется, по нраву...

И Айша так вся и зарумянилась, согласно опустила голову.

И стала она женой хорошего, работящего парня Абду. А чтобы ему в трудах его стало полегче, они купили на тот серебряный слиток сразу трёх новых осликов.

Норка заячья, подземная пригодилась тоже. Родник на той стороне горы мало-помалу промыл узкую перемычку, и половина чистых струй потекла под горой по норке туда, где и живут теперь Абду с Айшой. Рядом с новоявленным родником обосновались и ещё хорошие люди, и стало тут, близ уютного домика, целое доброе поселение.

Ну, а мачеха искала, искала в темнице-дворике Айшу и решила, что её тот кудлатый, бородатый в рай забрал. Забрать забрал, да только вот, поскольку он был обманщиком, не оставил, не заплатил мачехе за Айшу ни единой денежки.

ОШВЕРДА́С – МЕДВЕЖИЙ ПРИЁМЫШ

Найти – трудно, потерять – просто... Пошла одна старая старушка с малым внуком в лес по чернику, да там в лесу-то, в черничнике, так набористой ягодой увлеклась, что мальчика и проглядела.

Опомнилась, обернулась, а мальчика нигде не видать.

Должно быть, он, маленький, глупенький, за какой-нито птичкой или за мотыльком погнался, и вот исчез теперь, пропал в глухой глухомани безо всякого следа.

Покричала его, покричала старушка да и заплакала, побежала в деревню за подмогой.

В деревне отец, мать всполошились не меньше бабушки. Кинулись мальчика разыскивать сами. Целый вечер искали, целую ночь искали, на другой день лесные дебри обшаривали, но потеряшку так и не нашли.

Да и как найти было? Он ведь оказался в гостях у лесного хозяина, у колдуна-медведя по имени Ош.

А в гости к Ошу не попасть никому, если Ош гостей не пожелает сам.

И он вот мальчика первым и приметил, и поманил к себе в свою тайную избушку. Позвал голосом не страшным, не медвежьим, а голосом добрым, человечьим:

– Вижу ты, малыш, устал, оголодал, так заходи ко мне. Я тебя напою, накормлю, приголублю.

Мальчик на ласковые слова откликнулся, перелез порог избушки. А там – стол, на́ столе грибная похлёбка, спелая малина, золотистый, сотовый мёд.

Ош всё это мальчику придвигает, говорит:

— Угощайся, не стесняйся! Да потом у меня и отдохнёшь.

Мальчик поел, тут же спать захотел. Медведь его в тихий уголок на мягкую постель, на пихтовые лапки уложил.

Мальчик спит, под щёку кулачок подсунул. И такой он весь во сне-то румяный, пригожий, что смотрел на него медведь, смотрел, да и надумал:

— Оставлю-ка я этого мальчонку себе! Пусть он мою одинокую жизнь украшает. А чтобы не слишком нянчиться с ним, я ему роста и силы прибавлю. Дам волшебной водицы, и он вырастет вмиг.

Что медведь надумал, то и сделал. Проснулся мальчик, пить попросил, а медведь подаёт ему в плошке той самой водицы.

Выпил мальчик волшебную водицу, прямо на глазах начал расти. Рос, рос, вместе с одёжкой рос, головой в потолок упёрся.

— Э-э... Лишку вышло... — говорит медведь. — Так ты мне всю избушку разворотишь, в дверь не пролезешь. Выпей глоток воды обыкновенной.

Глотнул мальчик-великан воды обыкновенной, заметно поубавился. Стал не великаном и не малышом, а крепким подросточком. И сам он очень довольнёшенек, сам ходит по избушке, на себя любуется, и медведь доволен.

— Вот, — говорит, — теперь подходяще! Остаётся выйти, силу твою измерить. И запомни: ты с этой минуты — не потеряшка, ты с этой минуты — Ошвердас. То есть мой, Оша, приёмыш!

И вот они вышли за дверь. Ош-медведь показывает на тонкую берёзку-прутик:

— Попробуй, выдерни...

Ошвердас ухватил прутик за макушку, потянул, выдернул прямо с корешком.

Медведь показывает на другую берёзку, повыше, потолще:

— Дёрни и эту...

Ошвердас дёрнул, выдрал и эту со мхом, с корнями.

Тогда медведь повернулся к берёзе старой, вековой.

А Ошвердас новых приказов уже не ждёт, он сам кидается к дереву. Он сам желает повалить вековую берёзу, да при всём старанье отломил только один-единственный сук.

Отломил, держит в руках, досадливо надул губы. Понравилось за первый-то и за второй разы, что всё ему поддаётся, а тут не вышло, вот он и набычился.

Медведь утешает ласково:

— Ничего, ничего... Силы у тебя стало и так совсем немало! Насупротив себя прежнего ты всё равно теперь почти как богатырь!

И вновь у Ошвердаса ушки на макушке. Опять он взбодрился, опять расхорохорился. Про богатырей-то он ещё от собственной бабушки слыхивал, и теперь ему, медведем расхвалённому, совсем уж замстилось: «А, может, я богатырь и взаправду? А если — взаправду, то зачем сидеть здесь в лесу? Не лучше ли на вольные поля, на широкие просторы выйти, других там богатырей поискать, и с ними побороться, побогатырствовать?»

Вслух Ошвердас, конечно, ничего этого не сказал, да медведя, хозяина лесного, старого, обмануть трудно. Он про думы Ошвердаса догадался:

— Вижу, куда тебя потянуло... Но — не торопись! У меня хоть с год, да поживи. Прикопи про запас ума. А то я тебе лишь роста да силёнок прибавил, а ума пока ещё — нет.

Но Ошвердас теперь будто оглох, он знай себе петушится:

— Не́чего мне больше копить, не́чего прибавлять! У меня за всё про всё теперь дубина имеется! Берёзовая... Крепкая... Она меня выручит повсюду!

И вскинул на плечо берёзовый сучок, и, не прощаясь, пошагал куда глаза глядят, прямо по ельникам да по осинникам.

А медведь только лапой во след ему махнул:

— Пу-ущай уходит! Непутёвый мне попался приёмыш. Не́слух!

И вот ломится Ошверда́с через чащу, гнёт ветки, раздвигает прутья, вдруг свежая пашня перед ним.

Пашня так просторна, что глазом не окинуть.

Она глубоко сохою возделана, от неё земным соком пахнет, а по закрайку натоптана дорога.

По дороге женщина идёт. Шустрая такая, нарядная, за плечами берестяной пестерь.

Ошвердас к ней на дорогу из кустов вылезает, окликает:

— Эй! Не знаешь ли, где тут водятся богатыри?

Женщина оглянулась, улыбнулась:

— Ты сам-то кто такой?

— А я тоже богатырь! Видишь: у меня дубина, да и прозываюсь я не просто, а по-медвежьи. Имя моё — Ошвердас!

Женщина не испугалась, только шире заулыбалась:

— Ты и впрямь на растрёпанного медвежонка похож... Ну, а насчёт богатырей мне неведомо ничего. Могу лишь познакомить с двумя моими братцами.

— Где ж они, твои братцы?

— А в этом вот поле работают. Старший, гляди, какую пашню всего за полдня распахал! Конца края не видать! А другой братец по готовой земле рассевает зерно. И если есть желание, подожди его прямо тут.

— Некогда мне ждать,— говорит Ошвердас.— Веди меня к братцу-пахарю. Судя по делу, силёнка у него какая-никакая, а имеется. Вот с ним я и поборюсь!

Улыбчивая женщина не спорит:

— Поспешай тогда за мной. Мне братца-пахаря обедом подкрепить надо.

И вот шли они, шли, дошагали до зелёной, большой сосны. Под сосною в холодке саврасый конь стоит. При коне деревянная соха, стальные лемеха; длинные оглобли. Рядом спит пахарь. Руки он за голову закинул крепкие, плечи у него широкие, да и сам он весь могуч.

— Вот,— говорит женщина,— это и есть мой братец. На работе, на пашне уморился, обеда не дождался. Теперь не знаю, как разбудить.

— Разбудим!— сказал храбро Ошвердас, да и ткнул пахаря дубинкой под бок. Пахарь всхрапнул лишь громко, не ворохнулся, не шевельнулся.

Тогда Ошвердас опять его — под бок. Но и тут пахарь чуть глянул вполглаза, увидел сестру, в полусне бормотнул:

— Ты что, сестра? Пришла, а мух от меня не отгоняешь...

— Это не мухи! — сестра хохочет. — Это пожаловал к тебе Ошвердас-богатырь. Встань, посмотри на него, поудивляйся.

— Вот высплюсь... — прилёг на другой бок пахарь, — вот высплюсь, тогда и поудивляюсь.

И вновь он захрапел, а обидчивый Ошвердас сердится.

— Сейчас, — говорит, — узнает он, соня, что тут за мухи! Сейчас, — говорит, — я ему дубинкой-то прямо в носу щекотну!

— А вот этого, — возражает сестра пахаря, — делать не советую. Братец может очень сильно расчихаться.

— Подумаешь... Страх какой! — не слушает Ошвердас. — Мне ли вздрагивать от каждого чиха!

И потянулся он берёзовым сучком-дубинкой к носу пахаря, и пахарь нос наморщил, лоб наморщил, глаза широко раскрыл, голову приподнял, да и — чихнул.

Качнулась зелёная сосна, с неё шишки посыпались. Заржал саврасый конь, копытами затопал. От земли столбом пыльный вихрь поднялся, и завертел он Ошвердаса, подхватил, понёс по воздуху по-над пашней.

Летит Ошвердас, кричит:

— Расшибусь! Спасите! Помогите! Помилуйте!

А внизу шагал тот самый сеятель с большим, величиной с добрую бочку, лукошком.

Лукошко у сеятеля глубокое, широкое, шаг твёрдый, руки размашистые. Он как правою пригоршней из лукошка зерна черпнёт, как справа налево махнёт, так летит, рассевается зерно поперёк всего раздольного поля.

Однако за делом своим сеятель Ошвердаса услыхал, в пыльном вихре углядел, смахнул с быстрого полёта к себе в лукошко:

— Откуда ты этакий встрёпанный?

— Из-под сосны я... От твоего братца...

— За что он тебя так?

— За то, что хотел с ним побогатырствовать.

— Ха! — сказал сеятель. — На вид ты как будто бы и не мал, а ума-разума у тебя, похоже, недобор, недостача. Нашёл время в рабочую пору беспокоить пустяками трудовых людей! Ты братцу, поди, пахать или отдыхать мешал? Ну, что молчишь? Говори...

Ошвердас в лукошке жмётся, хмурится:

— Я всего-навсего щекотнул его разок, а он вот и расчихался...

— Так ты и меня щекотнуть пожелаешь? — смеётся сеятель, да только Ошвердас уже ни гу-гу.

За него сеятель говорит сам:

— Эх, парень, парень... Давай-ка я тебе и ума прибавлю, да и домой отправлю. Где твоя родная деревенька?

Но после похождений, приключений своих Ошвердас путь к родной деревеньке начисто позабыл. Он помнит лишь, что там, где раньше жил-поживал, всегда в летний день хорошо светило солнышко.

И он показал в сторону солнышка. И сеятель из лукошка Ошвердаса вынул, приподнял на широкой ладони, другою ладонью слегка подшлёпнул:

— Это тебе для прибавки ума!

Потом направил Ошвердаса головой в солнечную сторону:

— Сейчас увидишь и родную деревеньку!

Подшлёпнул ещё разок, и опять Ошвердас полетел-полетел да и плюхнулся в соломенную копну под окошками родной избы.

Отец, мать выбегают, бабушка выбегает, дивятся, глазам своим не верят, сомневаются:

— Ой! Вроде бы это наш сын, и вроде бы не сын...

А Ошвердас себя Ошвердасом уже не называет, он близким своим кричит:

— Сын я ваш! Конечно, сын! Только ростом стал повыше да ума у меня прибыло побольше... Запрягай, тятя, завтра утром лошадь, поедем вместе нашу пашенку пахать. Поедем вместе зерно для нового урожая рассевать. Настоящие-то богатыри — я теперь отлично знаю — только вот таким хорошим делом всё больше и занимаются!

СЧАСТЛИВЫЕ ЖЕМЧУЖИНКИ

Совсем рядышком жили бедняк Рахмет и богач Салим.

Но меж их дворами была глухая глинобитная стена, и соседи никогда не встречались.

Да и зачем было встречаться?

У Салима дом — полная чаша, дом — чуть ли не дворец, а у Рахмета — невзрачная лачуга. Салим просыпается, когда пожелает, а Рахмет встаёт ни свет ни заря.

Салим в тени сада на мягком ковре ещё только завтракает, а Рахмет уже наработался в знойном поле, и весь обед его там — всего лишь глоток воды да чёрствая лепёшка.

У богача Салима деньги к деньгам сами идут, а Рахмет, несмотря на своё трудолюбие, никогда в кошельке больше медной монетки и не держивал. Да если сказать правду, не было у Рахмета и того кошелька.

Ну а если так, то о чём же им было при встречах толковать? Совершенно не о чем! Вот они и не встречались, вот они и не разговаривали.

Но однажды вечером, когда Рахмет, взвалив на плечо мотыгу, шёл с поля усталый, калитка богатого дома скрипнула, распахнулась. Из-за калитки ласково прозвучал голос Салима:

— Что, сосед, не заходишь? Заглянул бы на чаёк!

Удивился Рахмет, даже мотыгу на землю опустил, но ответил с достоинством:

— Не захожу, потому что незваный... А вот теперь, если приглашаешь, то и зайду.

И отряхнул он полевую, рабочую пыль с обуви — и зашёл.

Салим быстренько ведёт его в садовую беседку, хлопает в ладоши, зовёт слуг, велит подавать душистый, со всякими сладостями чай.

Потом вежливо усаживает Рахмета напротив себя и тихонько, чуть не шёпотом говорит:

— Открой мне свою тайну!

— Какую тайну? — так и опешил вновь Рахмет. — У меня никаких тайн не водится. Вся моя жизнь, можно сказать, на виду. Почему ты решил, что у меня есть какая-то тайна?

— А вот почему... — говорит Салим. — Живу я, как ты знаешь, — в богатстве. У меня на пастбищах — табуны коней. У меня в кладовых — любого добра не пересчитать. Ем и пью я всё, что ни пожелается, одеваюсь и обуваюсь не хуже падишаха, — а вот покоя мне в моём собственном доме всё равно нет как нет... Вместе с богатством-то пришла в дом ко мне и целая куча родственников. Все они у меня вечно чего-то просят, все они вечно друг на друга всякую ерунду доносят, шумят, ссорятся. А пуще скандалят — моя жена, да мать жены, да тётка жены. Ничем на них не угодить, ничем не унять! Просыпаются с руганью, день проводят в ругани и засыпают, бранясь... А вот у тебя там, за стеной, на твоём небогатом дворе я каждый день только и слышу что песни да весёлый смех! В чём тут дело? Ведь у тебя тоже есть и жена, и, поди, мать жены — твоя тёща. А они — не ссорятся, а они не обижают, видно, и тебя... Так в чём же, ответь, ваша тайна счастливая?

Примолк Салим, пригорюнился, на Рахмета уставился во все глаза.

А тот поглядел на глинобитную стену, за которой находился его собственный двор, и плечами пожал.

— Этак вот сразу, — говорит, — я не могу ответить... Дай подумаю... Может, и вспомню, какой такой счастливый секрет прижился в моём доме.

Налил Рахмет себе полную чашку крепкого чая, стал думать, вспоминать. Салим тоже налил себе чашку чая, тоже стал пить-прихлёбывать, ждать ответа.

Выпил Рахмет одну чашку чая, выпил вторую чашку чая, винограда покушал, халвы покушал, а секрет вспомнить всё ещё не может.

Салим торопит:

— Ну что ж ты? Неужели про собственный дом не знаешь ничего?

— Как не знаю? Всё знаю! А вот секрета, на котором держится радость моей семьи, припомнить не могу. Наверное, всё выходит само собой, без особой причины...

Но вот когда Рахмет выпил крепкого чая третью чашку, когда он встал и начал уже откланиваться, то вдруг хлопнул себя ладонью по лбу и воскликнул:

— Догадался! Вспомнил! Есть у нас в доме такой секрет!

— Говори скорей! Говори! — замахал руками Салим.

— Имеются у нас в доме две жемчужинки... Две совсем-совсем маленькие... Но наверняка они-то и дают нам счастье. Они-то и радуют всю мою семью и меня. Так радуют, что ты вот, уважаемый сосед, и слышишь через эту глухую стену весёлый наш смех!

— Всего лишь две? Всего лишь навсего две маленьких-премаленьких жемчужинки?! — так и подпрыгнул Салим и для верности переспросил: — А если у меня в доме их станет не две, а больше?

— Чем больше, тем лучше! — улыбнулся Рахмет, отвесил поклон ещё раз и пошёл отдыхать домой.

А Салим едва утра дождался. На рассвете, на заре, кинулся на базар. Обменял там у знакомого купца кошель золота на кошель крупных, белых жемчужин и, прибежав к себе обратно, кричит жене, кричит тётке жены, кричит своей тёще:

— Полно дрыхнуть! Выходите в сад! Расстилайте ковёр! Сейчас нам всем будет куда как весело!

Но жена, тётка жены и Салимова тёща лишь раскрыли глаза, так мигом и за ругань.

Причём бранят теперь не друг дружку, а самого Салима:

— Поднял нас в этакую рань!

Они ругаются, а Салим хохочет:

— Ничего! Стелите, стелите ковёр... Сейчас вы у меня

всю ругань позабудете навек! Сейчас вы у меня станете добренькими, весёлыми, как птички!

Но только он высыпал из кошеля жемчужины на ковёр, так такой тут снова поднялся скандал,— хоть убегай! Жена выхватывает жемчужины у тётки, тётка выхватывает у тёщи, а тёща отнимает жемчужины у той и у другой.

«Перестарался я... Лишку насыпал жемчугов!» — подумал Салим.

Рознял он скандальниц с великим трудом, отнял всё обратно,— выдал теперь жене жемчужину одну-единственную, тётке тоже одну-единственную и тёще — одну.

«Вот теперь будет порядок! Вот теперь в моём доме наступит радость!»

Но и тут ничего доброго не получилось.

Жена косится на тётку, думает, что у тётки жемчужина будто бы покрупней; тётка косится на тёщу, тёща — на свою дочь.

Косились, косились, да и опять свара началась.

Нахмурился Салим, сам рассердился:

— Видно, обманул меня мой сосед! Пойду, его накажу!

Хлопнул своею калиткой, барабанит кулаком в калитку Рахмета.

А тот будто ждал: калитку раскрывает, Салима приветствует:

— С добрым утром, уважаемый сосед! С добрым утром! Ты насчёт наших жемчужинок? Желаешь проверить, есть ли они в моем доме на самом деле или их нету? Есть, есть! Проходи, смотри!

И Рахмет кричит:

— Эй, жена! Эй, бабушка! А ну-ка, покажите соседу наших милых жемчужинок, а то он их ни разу и не видывал!

И тут раскрылась в домишке Рахмета дверь, и оттуда выходит весёлая Рахметова жена, выходит старенькая, с доброю улыбкой Рахметова тёща-старушка.

Сами они выходят и выводят через порог за ручки маленьких-премаленьких, хорошеньких-прехорошеньких, румяных да ясноглазых мальчика и девочку.

Мальчик с девочкой смеются, глядят на Салима приветливо, ласково лепечут:

— Здравствуй, дядя!

А Рахмет, их отец, сам весь так и цветёт:

— Вот они — наши жемчужинки! Вот от них и счастье в нашем доме! Это они не дают нам ссориться, это они заставляют нас только радоваться... Ну что, сосед? Разве я тебя вчера обманул?

И Салим, глядя на девочку и на мальчика, вздохнул, развел руками, ответил тихо:

— Нет... В твоих вчерашних словах обмана не было ни капли!

ДЕВОЧКА-ПТИЧКА

— Тиви-и... Вернись, Туцу́к! Вернись! — очень явственно, очень тревожно и нежно раздается в горных лесах голосок небольшой птички.

А здешние селяне говорят, что эта птичка была когда-то совсем не птичкой, а маленькой девочкой.

И всё случилось вот как.

Было у одной женщины двое ребятишек-малолеток. Сынишка и дочурка. Мальчика звали — Туцук, девочку — Куля. Очень они любили мать, а мать в них души не чаяла.

Жили они бедно. Мать за какую только работу не бралась, что только не делала, чтобы своих ребятишек прокормить, вырастить. Днём она служила по дальним усадьбам у богатых людей, а вечером, возвращаясь после трудов, по пути сворачивала с тропинки в лес. Там для своего очага она собирала хворост, разыскивала для Кули и Туцука даровые лакомства — дикие сочные груши, кисленькие яблоки, терпкую, алую калину.

Ну а дома, пока малыши угощаются немудрёными гостинцами лесными, мать разводила в очаге огонь и заваривала горшочек ароматной кукурузной каши.

В общем, и при такой бедности все бы ничего, так бы вот они и жили себе да жили, но однажды Куля и Туцук ждут мать с работы, а её — нет.

На дворе завечерело, смеркаться стало, а матери — нет.

Звёзды мигают на небе, на дворе и в доме темь-распротемь, а её все нет и нет.

Встревожился Туцук не на шутку. Он ведь чуть постарше был, он говорит Куле:

— Наверное, мама опять свернула по дрова в лес, да зашла не в ту сторону и заплутала...

Испугалась Куля, прижалась к братику:

— Ты что? Ты что? Может быть, мама вернётся, когда наступит утро?

Стали они ждать, когда наступит утро.

А утро наступать не спешит.

А в тёмном дому от остылого очага, от холодной золы нежилым духом пахнет,— издрожались ребятишки от этой сумрачной тишины, от страха, от голода, от неизвестности.

Наконец забрезжило утро. Наконец зарделась заря, но долгожданных шагов всё равно не слыхать.

Матери не слышно и не видно, хотя ребятишки и вышли за ограду, за калитку,— смотрят на извилистую от леса к их дому тропинку.

Смотрели, смотрели — Туцук вздохнул, говорит:

— Побегу, Куля, искать я маму сам...

— Ой, не беги, пожалуйста, не беги! — заплакала Куля.— Ты тоже в лесу заплутаешь!

Но Туцук как сказал, так и сделал. Побежал он через утренний туман к лесу, только белая его рубашонка замелькала на тропинке.

А потом не стало видно в тумане и этого белого пятнышка.

Куля стоит у калитки, плачет одна.

Плакала она, плакала, очень долго заливалась, и вот сквозь слёзы видит — Туцук плетётся обратно.

— Нигде,— говорит,— я нашей мамы разыскать не мог. Не пришла ли она без меня сама?

— Не пришла...— отвечает Куля и просит опять:— Ты тоже не уходи больше! Я одна без тебя боюсь, я одна пропаду.

— Не пропадёшь... Потерпи...— говорит Туцук.— Маму искать надо всё равно. Я вот попью холодной водички, да и побегу снова.

И он попил водички, чуть-чуть отдохнул, и не

успела Куля его остановить, вновь побежал к лесу.

Тут Куля не вытерпела, бросилась за ним.

Но она — совсем маленькая. Ножки у неё заплетаются, на каменистой тропинке оступаются,— она лишь голосишком своим пробует до братика докричаться:

— Вернись, Туцук, вернись!

Да не услышал сестрёнку Туцук, скрылся в глухой чаще.

А тут и опять вечер наступил.

Мечется Куля из стороны в сторону по непролазным дебрям, всё кричит:

— Вернись, Туцук! Вернись, Туцук!

Кричала, кричала, за коренья лесные в потёмках запнулась — упала. Встать силы больше нет. Так прямо на земле, на траве, на сырой росе и уснула.

А когда вслед за утренним солнышком в листве деревьев засвистели птицы, когда Куля пробудилась, то увидела, что и сама вдруг стала, видно от горького горя, маленькой птичкой. От прежней девочки у неё лишь только и остался что нежный, тонкий голосок.

«Ладно, что хоть он не исчез!» — подумала Куля-птичка.

Вспорхнула на ветку дуба и давай опять звать:

— Тиви-и... Тиви-и... Вернись, братец Туцук, вернись!

Так она и летает с ветки на ветку, с дерева на дерево, с кустика на кустик,— всё кличет своего братца.

Она зовёт и зовёт, а здешние — дальние и ближние — люди, наконец, всё о ней да о Туцуке, да о их матери как-то прознали. И вот теперь густые чащи, куда ведёт тропинка, называют не иначе как Нане-имез, то есть Мамин лес.

А ещё люди, особенно пожилые, говорят:

— Грустный это случай... Очень грустный... Да ведь девочке-птичке и теперь так хочется разыскать братца, а братцу так хочется разыскать маму, что они всё равно, долго ли, скоро ли, а друг друга все трое найдут! И тогда их грустные слёзы сменятся слезами радости. И они вернутся домой такими, какими были... А иначе для чего и вспоминать этот горький случай, для чего из одного случая делать целую сказку? Хорошим людям должно быть и в сказке в конце концов хорошо.

ЯБЛОКО, ПЛЫВУЩЕЕ ПО ВОДЕ

Всё началось с того, что по узкому полевому арыку, по журчащей там воде, плыло красное яблоко.

А в поле помогал отцу маленький семилетний мальчик.

И вот он яблоко увидел, обрадовался, достал из воды.

Яблоко оказалось таким сладким, что мальчик сразу съел почти половину, да тут мальчику говорит отец:

— Вкусный приплыл к тебе гостинец! Но за то, что он у тебя в руках, ты даже спасибо не сказал.

— Кому?! — удивился мальчик. — Арыку? Воде?

— Нет, не воде. А тому, кто это яблоко вырастил... Видишь — вверху по течению арыка зеленеет сад? В саду есть хозяин-садовник. Яблоко упало, должно быть, с его яблони. Пойди и скажи садовнику спасибо.

Мальчик побежал вдоль арыка в сад.

Там подвязывал тяжёлые ветви яблонь молодой садовник.

Мальчик показал ему оставшуюся половинку красного яблока и спросил:

— Ага-джан, не из вашего ли сада приплыло это яблоко ко мне?

— А зачем тебе знать?

— Затем, чтобы выполнить наказ моего отца. Сказать хозяину яблони спасибо.

Засмеялся молодой садовник:

— Чудак твой отец! Из-за такого пустяка заставил тебя бежать через всё поле... Да и не моё это яблоко, а, похоже,

из сада среднего моего брата, который живёт отсюда ещё через одно поле... Послушайся меня, мальчик, зря туда не бегай. Мой брат скажет тебе то же самое: «Благодарность за одно уплывшее яблоко ничего не стоит!»

— Нет! Если велел отец, значит, стоит, — ответил мальчик, и побежал вдоль арыка через другое поле к другому саду.

А там подставлял подпорки под грузные ветви яблонь садовник годами постарше, чем первый.

— Уважаемый ага! Не из вашего ли сада приплыло ко мне по арыку вот это красное яблоко? — говорит мальчик и показывает красную половинку.

— Нет, не из моего... Такие яблоки выспевают лишь в саду старшего в нашей семье брата. Он живёт ещё дальше, через другое поле. Да тебе зачем?

— Хочу поблагодарить хозяина яблони, как наказывал мне отец!

Но и этот садовник улыбнулся, но и этот садовник бежать дальше не посоветовал. А мальчик помчался всё равно — бегом, бегом через третье поле.

В саду за третьим полем — садовник совсем уже седой, совсем в годах.

— Почтенный ага! Приплыло ко мне яблоко, не с ваших ли оно яблонь?

Седой садовник глянул на красную половинку, сказал тут же:

— Да, это яблоко из моего сада, с моей самой лучшей яблони.

— Тогда спасибо вам, почтенный ага! Спасибо вам большое, очень пребольшое спасибо!

Садовник положил на голову мальчика свою ладонь и посмотрел радостно в его глаза.

— Ты сам придумал бежать ко мне с этой благодарностью?

— Нет! Сам я лишь поймал яблоко в арыке и съел половинку. А отыскать вас и поблагодарить велел мне отец.

— Умница твой отец! Молодчина и ты, что отца не ослушался. Теперь эту половинку съешь при мне, и даю слово: ты станешь отцу надёжной опорой, вырастешь точь-

в-точь, как он, таким же отзывчивым, таким же толковым...

И так и случилось.

Не очень чтобы вмиг, но в скором времени, по всей той округе, где жили мальчик с отцом, пошёл слух, что семилетний сын одного здешнего крестьянина на удивление толков. Отец даже берёт его с собой на базар продавать урожай хлопка, и ни один самый ловкий, самый скупой купец-перекупщик не может мальчика обмануть.

Многие, конечно, не верили этому. Многие говорили: отец сам всё подсказывает мальчику. Да вдруг на глазах у всего селения, где стоял дом мальчика и его отца, приключилось удивительное событие.

Почти под самый вечер, но ещё засветло, вошёл в селение никому не ведомый старик. Вид у старика измученный. В руках у него небольшой сундучок, а вокруг шеи обвилась толстая, со злыми глазами змея.

Все, кто был на улице, кинулись прятаться, а старик кричит:

— Не убегайте, добрые люди, помогите! Мне лишь надо спросить два-три слова!

Но все дрожат, все выглядывают с опаской из-за дальних углов. А подошёл к старику со змеёй только тот семилетний мальчик.

Старик рад и мальчику. Спрашивает немедля:

— Скажи, милый мальчик, на добро отвечают злом или добром? Надо ли за добро хотя бы спасибо говорить, или это совсем не обязательно? Знаешь ли ты ответ на этот вопрос?

— Знаю! — сразу говорит мальчик. — Но сперва, если ты в силах, объясни побыстрей, что же с тобой стряслось и как оказалась на твоей шее змея?

И старик рассказал, что он выкопал случайно у себя в саду вот этот сундучок, отпер его, а там — крошечная, юркая змейка. Она хлебнула чистого воздуха, вмиг выросла, вспрыгнула старику на шею, обвилась и зашипела: «Задушу!» — «Но ведь я тебе дал свободу, сделал добро... Пощади!» — «Не пощажу! На добро отвечают злом. Так делают все. Спроси об этом, старик, хоть у первого встречного!» Первым попалось на глаза иссохшее тутовое дерево.

Оно проскрипело: «Да! На добро отвечают лишь злом. Я вскормило своею листвой хозяину целую тьму червячков-шелкопрядов, хозяин на шёлке разбогател, а меня, иссохлое, теперь хочет срубить и сжечь в печке...» Вторым встречным оказался верблюд. Он простонал: «Я своему хозяину служил много лет, а теперь он выгнал меня умирать в голую степь, потому что я стар. Он даже мне спасибо не сказал на прощание, и, выходит, змея — ох! — права!»

— Я права вс-с-сегда! — просвистела тут змея, перебивая старика, и сама спросила мальчика: — А твой ответ каков? Говори скорее! Мне уже надоело откладывать своё справедливое решение!

И змея ещё туже обвилась вокруг шеи старика, и мальчик сказал поспешно:

— Ответ мой, конечно, будет! Но никак не пойму, откуда ты такая справедливая явилась?

— Тебе уже сказано: из сундучка! — обиделась, засверкала глазами змея.

— Не верю! — спокойно пожал плечами мальчик.

Он взял из рук несчастного старика сундучок, раскрыл, поставил на землю, оглядел так и этак.

— Не верю, не верю и не верю! Сундучок для тебя слишком тесен. Ты говоришь неправду!

— Ах, я лгу?! — возмутилась змея и прянула с шеи старика на землю, выпустила из себя воздух, стала опять юркой змейкой и свернулась в сундучке кольцом.

— Теперь видишь?

— Теперь вижу, — говорит мальчик, — но всё равно твоя голова торчит выше крышки. Голова в сундучке не помещается.

— Пожалуйста! — говорит змея. — Поместится и голова!

Она спряталась в сундучке вся с головой, и мальчик тут же захлопнул крышку, защёлкнул замок.

— Вот так-то! — сказал мальчик. — А теперь, змея, слушай мой ответ... Отзываться на добро полагается только добром! А кто не желает за добро сказать даже спасибо, тот рано или поздно себя же и накажет. Ты, змея, хотела погубить доброго старика — так пусть будет плохо тебе.

И тут старик, хотя и был старше мальчика ровно в двенадцать раз, низенько поклонился ему:

— Я обязан тебе жизнью!

И опять все сбежались на площадь, опять все собрались вместе и сказали хором:

— Этот мальчик, наш земляк, в самом деле очень смел и, главное, очень толков! Откуда что только у него взялось?

А мальчик глянул на своего отца, улыбнулся:

— Всё, пожалуй, началось с того красного яблока, когда оно приплыло по воде, по арыку...

ПАСТУШОК С ДУДОЧКОЙ

Работал у бая пастушок-подросток Алим.

Все пастушка любили за то, что он чудесно играл на самодельной тростниковой дудочке.

Каждый вечер после работы собирались послушать Алимову дудочку байские батраки-работники, приходила отдохнуть под напевы дудочки вся байская прислуга. И лишь хозяин-бай ворчал:

— Проклятый пастушонок! Дудит и дудит! Разве за это я его пою и кормлю?

И пусть Алим на пастбище старался, но бай всё равно бранил его беспрестанно. Не мог терпеть бай, чтобы простые работники чему-то радовались. И вот однажды из рук пастушонка тростниковую дудочку он выхватил, растоптал, а самого пастушонка вытолкал вон:

— Уходи из моего дома! Посмотрим, как ты без крыши над головой, без куска хлеба заиграешь!

Поплёлся пастушок по пыльной дороге один-одинёшенек, сам не зная куда. Идёт, обливается слезами. А навстречу — старый человек в зелёной тюбетейке, в зелёном халате, с зелёным, в листиках, посохом в руке.

Спрашивает он пастушка:

— О чём плачешь, сынок?

— Как не плакать! Прогнал меня хозяин с работы и даже дудочку растоптал.

— Идём жить ко мне. Мы с тобой и дудочку новую смастерим, и найдём, как расквитаться со злым баем.

Стал пастушок Алим жить у этого старичка. И было тут Алиму куда как неплохо.

Домишко старичка — простой, в два оконца — стоял на опушке прохладного леса; в лесу на ветвях было полно всяких ягод, нашлась и подходящая тростинка для новой дудочки. А играть на ней старичок научил пастушка так, что слетались на песенку дудочки птицы, сбегались даже лесные звери.

Алим наигрывает, а птицы и звери слушают. Послушают-послушают, да ещё и попляшут. Затем Алиму кивают радостно: «Мол, спасибо тебе, наш новый дружок! Мы очень благодарны тебе, наш лесной пастушок!»

Ну, а злой бай жил себе да жил, но вот однажды утром проснулся, громким голосом требует к себе своих сыновей.

Те примчались:

— Что такое? Что такое?

— А вот что! Приснился мне невиданный зайчонок... Весь он — пушистей пуха пушистого, белей снега чистого, на лбу чёрная звёздочка! Желаю, чтобы вы этого зайчонка немедленно изловили и доставили ко мне!

— Где мы его, невиданного, изловим? — оторопели сыновья. — В наших краях таких зайчат и в помине нет.

— Ах вы, бездельники! Не хотите уважить родного отца? Мигом отправляйтесь в лес! Кто принесёт мне такого зайчонка, только тому и оставлю потом, после смерти своей, всё моё богатство!

Старший сын, глянув на разгневанного родителя, подумал: «После смерти твоей я и так всё получу!» Но тут же спохватился: «А вдруг братья меня обойдут? Нет уж! Отправлюсь зайчонка искать!»

И он пошёл в лес.

А на пороге лесного домишки сидит тот самый старый старичок в зелёном халате. Он байского сына спрашивает:

— Куда направился? Не зайчонка ли искать?

Удивился байский сын, что этому лесному старику всё известно, и сказал:

— Да!

— Ну что ж, — махнул рукой старичок, — иди в самую

чащу леса. За чащей светлая поляна. На поляне пастушок пасёт стадо, он тебе и поможет.

Отыскал байский сын за чащей светлую поляну, там играет на дудочке пастушок. А вокруг качают рожками, приплясывают дикие козлята, взбрыкивают копытцами, танцуют лесные поросята — полосатые кабанчики.

«Вот так стадо! — вновь удивился байский сын. — Я думал, этот пастушонок пасёт коров, а он тешит лесных зверят. Но и это не плохо! Мне звериный пастух и надобен...»

И он рассказал про свою задачу-незадачу пастушку. А пастушок, когда понял, что перед ним байский сын, даже засмеялся:

— Помогу непременно! Бай — мой лучший приятель! Но только, чур: зайчонка ты в руки получишь, но если не удержишь, то я уже — ни при чём... Согласен?

— Согласен! — сказал старший байский сын.

И дудочка снова залилась весёлой песенкой, и рядом с пастушком откуда ни возьмись встал на лужайке столбиком точно такой зайчонок, какой приснился баю: пушистей пуха пушистого, белей снега чистого, на лбу чёрная звёздочка.

Пастушонок поднял зайчонка за длинные уши, подал байскому сыну:

— Неси домой, к папаше! Только держи крепче!

Обхватил байский сын зайчонка обеими руками, радостно пошагал домой.

А пастушок немножко обождал, да и снова поднёс к губам дудочку.

— Зайчик, не зевай! Из плена удирай! — пропела дудочка.

Зайчик песенку услышал, да и — брык-брык! — вырвался из рук байского сына, ускакал стремглав в лес.

Бегал, бегал байский сын по лесу, лазил, лазил по колючей чаще — нигде зайчика так и не нашёл.

Вернулся к пастушку, говорит:

— Убежал зайчонок! Как теперь быть?

— Не знаю, — отвечает пастушок. — Мы же уговаривались: если зайчонка не удержишь, то я — не в ответе.

Вернулся старший байский сын к отцу с пустыми руками. Бай шумит, бай выходит из себя.

Но тут заявил средний сын:

— Я принесу зайчонка! Я удержу его в руках!

И отправился к пастушку, да только и у него ничего не вышло. И этот байский сын лишь набегался по лесной чаще за белым зайчонком попусту.

Не получилось ничего и у младшего сына. И тогда бай разгневался вконец:

— Растяпы! Завтра пойду сам!

И вот он пустился добывать зайца сам.

Миновал домишко со старичком на пороге, на старичка даже не глянул, даже с ним, старым, не поздоровался. Сам отыскал в чащобе нужную тропинку, сам вышел на поляну.

А пастушок как увидел своего бывшего хозяина, так сказал сразу:

— Ага! Пожаловал? Тебя-то я давно и дожидаюсь...

Вскинул пастушок свою тростниковую дудочку — загудела дудочка сердито:

— Звери, птицы, налетайте! Злого бая окружайте!

Выбежали на поляну звери — тигры да медведи, да клыкастые кабаны; захлопали над поляной крыльями птицы — орлы да ястребы, да соколы. Окружили они бая — вот-вот все разом ударят!

Испугался бай, задрожал.

А тут ещё пастушок говорит:

— Наверное, не узнаёшь меня? Я ведь твой бывший работник Алим. Помнишь, что ты со мною сделал?

Рухнул при этих словах бай на колени, взмолился:

— Ой! Прости... За всё тебе заплачу чистым золотом. А дудочку куплю — хоть серебряную! Только прикажи своим лесным друзьям меня не трогать.

— Ладно! — сказал пастушок. — На этот раз они тебя не тронут. Но дай мне клятву крепкую, что больше не будешь обижать никого и половину собственного богатства сегодня же раздашь тем, кто на тебя день и ночь работает! Они этого давно заслужили.

— Раздам! Всё исполню! — вскричал бай и побежал скорей исполнять клятву.

А пастушонок Алим поклонился своим четвероногим и

крылатым друзьям, пошёл к тому старичку, к доброму волшебнику:

— Как мне дальше быть-жить? Оставаться с тобой в лесу или идти обратно ко всем людям?

— Возвращайся к людям... Среди людей больше хороших, чем плохих, и эти славные люди по-прежнему ждут не дождутся твоей звонкой дудочки.

И пастушок с дудочкой вернулся к людям.

И все они по-прежнему говорили ему:

— Молодец, Алим!

И тут было бы наговорёно и ещё немало сердечных слов, да наша сказка кончилась...

Сказка-то кончилась, а вот дудочка Алима не смолкает.

Она не смолкает до сих пор.

А кто этому не верит, тот пусть к нам приходит, и тогда сам он очень ясно услышит весёлую дудочку мальчика-пастушка.

КОГДА ОБЕД ПЕРЕКИПИТ, ЧТО ОГНЮ ОН ГОВОРИТ?

Любил один царь жестоко играть с людьми. Задаст человеку ни с того ни с сего такой нежданный вопрос, что человек сразу-то растеряется, с перепугу ответит невпопад, и тогда царь отбирает у него всё добро и даже лишает жизни.

Вот взбрело ему потешиться и над своим старшим министром-визирем.

Задаёт царь визирю вопрос:

— Когда обед в горшке перекипит, что огню он говорит? Отвечай быстро, иначе, сам знаешь, тебе несдобровать!

Визирь был находчив, но от такого вопроса тоже, как все, растерялся, тоже, как все, испугался.

Стал царя умолять отсрочить ответ хоть на один день да на одну ночь.

Царь поморщился.

— Не в моих правилах давать отсрочки! — сказал он. — Да уж ладно, тебе, визирю, снисхождение сделаю.

Кинулся визирь домой, сменил богатое платье на простое, сменил парадную обувь на обувь покрепче и отправился в путь.

«Вдруг да где-нибудь на дороге встречу человека посмекалистее! Вдруг да кто мне подскажет ответ на царский вопрос».

И вот он идёт с горы на гору, спешит из долины в долину и нагоняет в пути крестьянина.

Крестьянин седой, старый.

«Вот он, возможно, и даст мне мудрый совет», — думает визирь.

Он старику поклонился, спросил, нельзя ли пойти вместе.

— Отчего нельзя? — говорит старик. — Пожалуйста, пойдём!

И они пошли вместе.

Идут-идут — крепко устали.

Визирь опять думает: «Теперь пора и поговорить с попутчиком насчёт царского вопроса. Только хорошо бы сначала проверить, так ли он смекалист, каким кажется».

И говорит крестьянину вслух:

— Утомились мы, добрый человек! Ноги не шагают у обоих. Давай или я тебя приподниму да понесу, или ты меня приподними да понеси, путь покажется короче.

Крестьянин опешил:

— Ты что? Виданное ли дело друг друга на спине тащить? Так мы больше умаемся!

— Тогда, — говорит визирь, — загляни вон в тот лесок, принеси оттуда ещё по одной ноге для себя и для меня.

Старик совсем поразился:

— Откуда в лесу ноги? Да и человек должен ходить на своих на двух ногах, а не на трёх. Мы ведь не чудища какие-то!

— Что ж, — вздыхает визирь, — тогда пойдём дальше на своих на двоих.

Шли, шли — видят пшеничное поле. Над ним тугие стебли к небу так и тянутся, зелёные, молодые колосья под ветром так и дышат.

Решил визирь испытать старика-крестьянина на смекалку в последний раз:

— Скажи, мудрый человек, это пшеничное поле уже съедено или ещё не съедено?

Старик на визиря рукой махнул:

— Опять глупости спрашиваешь! Как же съедено, когда колос только-только набирает силу, когда сюда ещё не приходили жнецы?

Отступился визирь от старика, хотел было свернуть на

другую дорогу. Да тут показалась деревня, а в ней стариков дом.

— Отдохни у меня, — приглашает старик. — А то куда на ночь-то глядя пойдёшь ты, нездешний да этакий неразумный? Ещё заблудишься в горах!

Визирь оглянулся, а в горы из ущелий и вправду поднимается ночь.

Делать нечего, вошёл визирь в крестьянский дом.

Там встретила его старикова молоденькая дочка. Она собрала совсем скромный ужин. А потом хозяин отвёл гостя спать-отдыхать.

Визирь лёг, да только сна у него — ни в одном глазу. Он всё мается над царским вопросом, а ещё слышит, как рядом, за тонкой дверью, хозяин разговаривает с дочкой.

Дочка спрашивает:

— Кого это ты привёл?

— Да неизвестно кого. Полоумного какого-то! Всю дорогу он докучал мне бестолковыми разговорами, плёл околесицу. Жаль мне стало беднягу, вот я и пригласил его ночевать.

— Но какие он всё же разговоры-то вёл?

— А сперва сказал: «Мы очень устали, так давай или я тебя приподниму, понесу, или ты меня приподними, понеси».

— Что ж ты ему ответил?

— А ответил: «Друг друга в пути на себя сажать — ещё больше измучишься!»

— Эх, не понял ты своего попутчика, отец! Совсем не понял! Он ведь что хотел: расскажем, мол, друг дружке на ходу что-нибудь интересное, и за разговором приподнимется настроение, да и путь покажется намного короче... Ну а ещё что он говорил?

— Уговаривал меня заглянуть в лес, принести нам оттуда обоим по третьей ноге!

— А ты?

— А я: «В лесу ноги не растут, и на трёх ногах люди пока что не ходят!»

— И здесь ты, отец, ничего не понял! Это ведь он просил

вырезать дорожные посохи. С посохом идти по горам всегда легче. Скажи, какой ещё был разговор?

— Да совсем уж несуразный! Съедено наше пшеничное поле или не съедено, когда на нём только-только первые колосья наливаются. Младенцу ясно — не съедено.

— Нет, отец,— говорит девушка,— если разобраться, наше поле съедено. Ты разве забыл, что зимою брал из царских кладовых хлеба-то в долг, и теперь нам надо рассчитываться за этот долг по мере тройной? Не останется у нас опять для себя ни зёрнышка, вот и выходит — поле съедено...

Тут разговор за дверью утих. Отец с дочерью, похоже, пригорюнились. А визирь поднимается, идёт к ним.

— Простите,— говорит,— я всё слышал. Мудрая у тебя, хозяин, дочка. Очень мудрая! Разреши и мне с ней перекинуться словечком. Разреши попросить у неё совета-помощи.

— А ты всё-таки кто?— спрашивает девушка.— Я ведь давно вижу, что ты путник не такой уж простой.

— Верно. Я царский визирь. Должен я завтра утром дать точный ответ на вопрос: «Когда обед в горшке перекипит, что огню он говорит?» А если ошибусь — мне сразу погибель!

— Кто ж тебе такой вопрос задал?

— Наш владыка-царь!

— С царём-то,— говорит девушка,— мне тоже надо бы побеседовать. Совсем он нас долгами замучил. Вот я вместо тебя, визирь, к царю и войду; вместо тебя на вопрос про обед в горшке и отвечу... Веди меня теперь же в столицу, прямо в царский дворец.

И, не теряя времени, вместе с этой смелой девушкой визирь пустился в обратный путь.

Шли они всю ночь, а когда из-за гор выглянуло солнце, перед ними в зелёной долине, в прекрасном саду засверкали белокаменные хоромы.

Визирь — человек тут всем известный — провёл девушку мимо стражи прямо в царский тронный зал.

Сам визирь укрылся за ковровою занавесью, а девушка подходит к царю.

Царь смотрит гневно, спрашивает грозно:

— Ты ко мне с чем?

— Я принесла тебе от визиря ответ на вопрос: «Когда обед в горшке перекипит, что огню он говорит?»

— Выкладывай! Но помни: если ответ неправильный, пропадать не только визирю, но и тебе! Что ж примолкла? Язык отнялся?

А девушка говорит твёрдо:

— Не отнялся. Отниматься моему языку не с чего. Потому что, когда обед в горшке перекипит, огню он говорит: «У каждого начала должен быть конец! Хватит меня калить, кипятить, мучить! А то я, смотри, сам через край выплеснусь, погашу тебя, злыдня, в один миг!»

— Что-о? — изумился царь. — Это, выходит, ты намекаешь на меня? Это, выходит, ты мою власть угасить сулишься? Ну, постой же!

И от ярости царь даже стражу крикнуть позабыл. Сам потянулся к своей сабле.

Да на резном, расписном, узком троне было не развернуться.

И тут вся собственная злость ударила царю прямо в чёрное его сердце!

Оно лопнуло, и царь умер.

Визирь, кланяясь, подбежал к девушке:

— Спасибо, — говорит, — тебе, отважная девушка. Я бы, — говорит, — на такой смелый ответ не решился никогда. Ну а раз царский трон освободился, то ты и садись на него. Будь нам вместо злого царя доброю царицей!

— Нет, — говорит девушка, — дочке крестьянской сидеть на троне занятие неподходящее. Меня поле ждёт! Меня пшеница, что колосом наливается, ожидает! Вы тут сами всё с новым-то царём решайте... Да только крепко-накрепко помните про тот горячий обед в горшке, особенно про тот миг, когда он огня не вытерпит и плеснёт прямо через край!

КРЕПКОЕ ВРАНЬЁ

Жил-был царь, и вот надумал он однажды по-царски повеселиться.

Собирает к себе глашатаев-крикунов, даёт им задание:

— Бегите по всем дорогам, везде кричите: «Кто мне, царю, крепче всех соврёт, тому я дам в награду золотое яблоко!»

Помчались глашатаи-крикуны по тропкам, по дорогам, разбежались по сёлам, по городам, везде разносят весть: «Кто царю крепче всех соврёт, тот получит золотое яблоко!»

Не прошло дня, не успел царь выйти на крыльцо, а народу перед ним уже видимо-невидимо. Тут и знатные люди, и не шибко знатные. Тут и селяне, и горожане. И каждый каждого переврать желает.

Один говорит:

— Я по небу без крыльев летал, да вот в копну соломы упал и поэтому не разбился...

Царь весело кивает:

— Вполне так может быть! Верю! Ты врать не умеешь...

Второй говорит:

— У меня курица соловьём пела, на дудке играть умела, да жена моя эту курицу по ошибке зарубила и сварила вместе с лапшой...

Царь кивает и этому:

— Верю, верю! Тут враньём и не пахнет... Такое тоже может быть.

Третий врун совсем из себя выходит:

— У меня,— говорит,— маленькая свинья принесла сразу взрослого жеребца-скакуна! Я даже на нём вот сюда и прискакал. Только жаль: сама-то свинья-мать потерялась по дороге.

Царь кивает и этому:

— Ах, ах! Поскольку и твой рассказ — правдивый, поезжай скорее обратно, ищи свою драгоценную свинью!

И вот таким манером вруны к царю все теснятся, друг друга толкают, перебивают, да всё ж самого крепкого вранья — такого, чтобы царь поверил,— придумать не могут.

И один лишь мужичок, с виду совсем простой, сельский, стоит себе в стороне, не лезет, не толкается.

Стоит и держит под мышкой пустой пузатый кувшин.

Царь, конечно, этим мужичком заинтересовался.

— Ну,— говорит,— ты чего здесь стоишь, молчишь? Почему мне ничего не врёшь, ни даже не привираешь?

А мужичок спокойнёхонько отвечает:

— Мне, пресветлый царь-государь, не до вранья... Я пришёл к вам за делом.

— За каким таким делом?— удивился царь.

— А помните, вы год тому назад взяли у меня взаймы вот такой вот полный кувшин чеканных червонцев? Взять взаймы взяли, а до сей поры не отдали... Вот я с кувшином-то за долгом и пришёл!

— Что-о?!— так и взвился, так и подскочил на крыльце царь. Какой такой долг? Какие такие червонцы! Ты врёшь, мужик! Врёшь, врёшь и врёшь! Все твои слова — не правда!

— Ах, я — вру?— засмеялся мужичок.— Тогда подавайте мне, ваше царское величество, своё золотое яблоко!

И царь сел, и захлопал глазами, и опомнился, засмеялся тоже. А потом преподнёс мужичку золотое яблоко:

— Оно — твоё! И больше — ничьё!

С КЕМ ПОДРУЖИТЬСЯ МЫШКЕ?

Мышке-норушке захотелось найти себе надёжного друга. Рядом жили ещё мышки, но про них норушка думала:

«Они маленькие, они очень слабенькие... Что толку искать себе товарища среди них? Нет, мне нужен друг не такой; мне нужен друг всех сильнее!»

И мышка-норушка влезла ночью на высокую сосну, добралась чуть ли не до неба, тоненько крикнула месяцу:

— Месяц, месяц! Говорят, ты самый-самый сильный! Ты даже ночью сияешь! Я хочу с тобою дружить.

Месяц широко раскрыл свой жёлтый единственный глаз, поглядел издали на мышку и, не соглашаясь с ней, поводил туда-сюда острым подбородком:

— Что ты, что ты! Я не самый сильный, я даже не самый светлый... Светлее меня, сильнее меня — ясное солнышко!

— Что ж, — говорит мышка, — пойду к солнышку...

Но пока слезала с сосны вниз, солнышко и само вышло ей навстречу из-за дальнего края земли.

Вышло, улыбнулось, озарило всё вокруг таким тёплым, таким ярким светом, что месяц вмиг потускнел, а мышка запищала:

— Ой, пик-пик, и верно, солнышко сильнее месяца! Я буду дружить только с ним! Ты согласно, солнышко, стать моим другом?

— Согласно-то я согласно, — ответило солнышко, — да вот плывёт сюда тёмная туча. Она меня сейчас закроет, она — могучее меня.

И правда. Наплыла туча, спрятала солнышко, мышка только и успела сказать:

— Ах!

Да тут же опомнилась, запищала:

— Туча, туча! Раз ты такая могучая, давай с тобой подружимся!

— Я бы не против, — пророкотала басом туча, — да вот уж поднялся ветер-силач; он меня гонит долой!

И ветер-силач тучу прогнал долой; даже сосну, под которой теперь сидела мышка, зашатал-закачал, — и сразу стало видно: с ветром бороться не сможет, пожалуй, никто.

— Ветер, ветер, — обрадовалась мышка, — вот с тобой-то я дружить и буду! Ты самый-самый силач-богатырь!

— Нет! — вздохнул шумно ветер. — Глянь, мышка, вон туда на пашню... Видишь, там шагает с плугом по борозде пара быков? Я дую им встречь, — а они знай себе шагают, пашут! Я хочу их остановить, — а они шагают, пашут! Они меня сильнее во много раз...

И только мышка хотела выскочить из-под сосны, только хотела с быками заговорить, напроситься на дружбу, а они вдруг со своим тяжёлым плугом встали.

Остановились, поднатужились, плуг снова дёрнули, а он — ни с места. Тянут, ярмо чуть ли не трещит, а плуг — ни с места!

— У-ух! — запыхтели быки. — Опять попался в борозде крепкий корень от старого пня. Нам его без чьей-либо помощи даже и плугом не переломить, не рассечь... Эй, кто нам, быкам, поможет?!

— Мы! Мы! Мы! — так и запищало, так и загомонило под родною мышкиной сосной.

И видит мышка: её давние соседи — такие же, как она, серенькие, маленькие мышки и мышата — выскакивают друг за другом из норок, катятся к пашне, к борозде, к тому крепкому корню, и давай его своими крохотными зубёнками точить-грызть, давай точить-грызть.

Минуты не пролетело — корень лопнул, плуг пошёл, быки благодарно вздохнули:

— Вот кто самый-то сильный, вот! Тот, кто нам в нашем труде помощь оказал! И нечего тебе, мышка-норушка, друзей неведомо где искать... Ищи их поближе!

— А я уже нашла! А я уже их увидела! — засмеялась мышка. — Это — мои соседи! Я их позову сейчас в гости ко мне, а потом они позовут меня в гости к себе. И мы подружимся славно и весело — навсегда!

ЛИСА И КУРОПАТКА

В жаркий полдень лежала в тени за большим камнем и тихо вздыхала голодная лисица:

— Ух, какой зной! От этого зноя мыши и те попрятались глубоко в норки. Видно, никем мне нынче не поживиться, не подкрепиться до самой ночи...

Вдруг на камень уселась куропатка. Голова и горло у неё золотисто-коричневые, грудка серенькая, на серенькой груди из пёрышек как бы — подковка. Ну, а главное — вся она, эта куропатка, толстенькая. Сразу видать: нагуляла жиру за лето — оё-ёй!

У лисицы слюнки потекли.

«Вот мне закуска-то, вот! Такая пожива куда лучше мышек, повкусней даже самой свежей петушатинки. Только бы её раньше времени не спугнуть! Только бы изловчиться так, чтобы схватить куропатку в один миг».

И лисица в тени затаилась ещё тише, а куропатка по гладкому камню похаживает, коготками постукивает, взглядывает на солнышко и поёт, заливается:

— Чир-гик! Чир-гик! Чир-гик!

Очень куропатке по нраву собственная, пусть и короткая, всего лишь в два слова песенка.

Плутовка-лисица это поняла сразу. Она тонким-претонким, ласковым-преласковым голосочком из укрытия, из-за камня говорит:

— Ой, кто это распевает такую песенку хорошую? Ой, у кого это такой голосок расчудесный?

— У меня! Чир-гик! — тут же откликнулась куропатка и от удовольствия ещё шире раздула своё золотистое горло.

— А скажи, — совсем ласково, совсем умильно говорит лисица, — ты поёшь с открытыми глазками или с закрытыми?

— Да не всё ли равно? — отмахнулась весело куропатка.

— Нет, не всё равно! Не всё... Закрой глазки, и твоя песенка зазвучит по-иному. Наверняка даже лучше!

— Я попробую, — ответила куропатка.

И закрыла глаза, снова принялась напевать:

— Чир-гик! Чир-гик! Чир-гик!

А лисица — прыг! Ухватила куропатку да и держит её уже в зубах.

Испугалась куропатка: «Пришёл мой смертный час! Обманула меня лисица! Но, может, успею схитрить и я...»

— Лисица-сестрица! Лисица-сестрица! — закричала куропатка во весь голос: — Ты такая провора! Ты такая умница! Ты такая красавица! Но неужели ты такая и неразборчивая? Неужели ты меня так прямо, не ощипав, с пёрышками и съешь?

А лиса рада-радёхонька, довольна-довольнёхонька. Она хвастливо, ехидно, даже гордо говорит:

— Ага! Так прямо и съем! Проглочу тебя вместе с перьями!

Ну а раз похвалилась, заговорила, то, ясно-понятно, зубы разжала и рот раскрыла!

Ну а если раскрыла, так тоже ясно-понятно, куропатка не стала ждать.

— Фыр-р-р! — взвилась она покруче да повыше и в горы унеслась.

А лиса опять в холодок за камень повалилась и лежит там, по-прежнему вздыхает:

— Ах-ох! Ах-ох! Ах-ох!

ПРОПАВШЕЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

Жил в сосновом бору ястреб — светлые брови, жёлтые глаза, серая грудка в крапинку.

И — хотите верьте, хотите не верьте — было у ястреба жемчужное ожерелье, а на голове, на самой маковке красовался алый гребешок.

А ещё ястреб был очень добрым. Очень добрым и очень компанейским. И поэтому всё летал в деревню к петуху с курицей, гостил у них по целым дням.

Клюёт, бывало, вместе с ними из корыта-кормушки ячмень да пшеницу, а сам курице благодарно говорит:

— Какое вкусное угощение! Давайте, курочка-рябочка, я вас за это летать научу...

А курице летать, конечно, хочется, да больше она смотрит не на то, как раскрывать крылья надо, а таращится на ястребиное ожерелье, на белоснежные, на тонкой нитке жемчуга:

— Ах, кудах! Вот бы и мне такую прелесть! Вот бы и мне!

И вослед за ястребом короткими своими крыльями взмахнёт, чуть-чуть над лужайкой взлетит, да на ожерелье, на ястреба глянет, крыльями махать забудет, и — кувыркнётся... Взлетит, засмотрится, и на землю — бултых!

Так обучение полёту у курицы дальше этого и не пошло.

А петух тем временем всё глядел на ястребиный гребешок. На яркий, распрекрасный, не хуже любой шапочки или даже короны царской!

У петуха-то у самого росли в ту пору на макушке лишь

гладенькие пёрышки, даже лысина проглядывала, и петух вослед за курицей тоже думал:

«Вот и мне бы на голову такое замечательное украшение! Вот и мне бы!»

И сначала петух задумал вырастить алый гребешок на собственной голове сам.

Пробудится на рассвете, прокукарекается, встанет под широкий, мокрый, весь в росе лопух. Стоит, ждёт, когда капнет оттуда на голову крупная, а главное — вся розовая от рассветной зари росинка.

И вот росинка — шлёп! петух — прыг! — мчится к курице в курятник:

— Глянь! Что-нибудь выросло на моей макушке?

Курица смотрит, говорит:

— Нет...

И тогда петух ждёт дождя с радугой. И когда дождик нальёт лужи, а в них радуга отсвечивать, переливаться начнёт, то петух пробует радугу почерпнуть лапой, оплеснуть макушку семицветной водичкой. Лапа когтистая, неуклюжая, вода на ней держится плохо, но петух старается всё равно.

Потом курицу спрашивает опять:

— Ну а теперь?

— Теперь,— отвечает курица,— опять ничего нету.

Даже зоркие малыши-цыплята и те говорят:

— У тебя там, на макушке, всё такие же пух да пёрышки. Они лишь после дождика — мокрые.

И вот горевал петух, горевал, да с горя и решился на непохвальное дело.

Взял и нарочно отыскал за хозяйской избой, за курятником, в непролазном чертополохе пару семечек дурманной сон-травы. И когда ястреб прилетел в гости, то петух подсыпал семечки в корыто, в ячмень.

— Угощайтесь, дорогой ястреб, с этого края... Клюйте, клюйте, тут повкуснее!

— Что ж! — радуется ястреб. — Если здесь повкуснее, то и поклюём!

И — клюнул. И только клюнул, так в глазах у него мигом

пошли сонные круги. И он широко позевнул, потянулся, пошатнулся, да прямо за корыто и упал.

Лежит, голову — под крыло, даже похрапывает.

Курица ахает:

— Ах! Ох! Он почему-то уснул!

— Не ахай! — торопит петух. — Зря тут не чичкайся, а забирай ожерелье! Тебе ведь только того и хотелось.

Да и сам ожерелье с ястреба сдёрнул, сам накинул курице на шею; гребешок-шапочку тоже с головы ястреба сорвал, напялил на собственную макушку.

— Теперь, — говорит, — прятаться побежим...

Только вот петух-то и вправду в кусты, в крапиву умчался, а курица не смогла ступить с места даже одного шага. Голову на бок склонила, разглядывает на себе ожерелье, от счастья глаза закатывает:

— Ах! Ох! Квох да квох! Ко-ко-ко! Ко-ко-ко!

Да тут сонные семечки действовать перестали, — ястреб проснулся, вскочил. Чувствует он: голове холодно, гребешка нет, увидел свои жемчуга на курице — вся доброта с ястреба долой.

— Эх, ты! Бесстыжая хитрюга! А ещё училась у меня летать!

— Это не я... — отступает сконфуженно курица. — Это всё устроил петух...

Но ястреб уже не слушает. Дёрнул ястреб кривыми когтями ожерелье к себе, тонкая нитка натянулась. Нитка лопнула — жемчужинки хлынули в траву градом, исчезли там в густой зелени.

А тут на шум выскочил из избы хозяин. Он затопал по крыльцу, забранился:

— Что за этакий, распроэтакий гость у меня во дворе? Кыш! Кыш!

Ястребу делать нечего. Ястребу теперь самому надо спасаться. Полетел он без гребешка, без жемчугов к себе в дальний бор. Только и успел курице пригрозить:

— Как ты да петух со мною поступили, так и я теперь буду с вами... Вы у меня самое лучшее утащили, и я у вас когда-нибудь отберу самое, самое дорогое!

И — верно. Повела курица на прогулку цыплят, с ними ходит, любуется на них.

Петух тоже на деток радуется, гордо покачивает алым гребешком:

— Вот какие у нас ребятки! Вот какие! Пушистенькие, черноглазенькие!

Вдруг на двор, на траву упала быстрая тень. Петух видит: ястреб! Да не просто он, ястреб, теперь летит, а так на петуха да на цыплят страшными когтями и целится.

— Караул! — всполошился петух. — Караул! Сейчас всем нам будет беда, а сам я без гребешка останусь!

Нырнули цыплята, петух, курица под крыльцо, под толстые доски, кричат криком, вызывают на помощь хозяина. А ястреб над самым крыльцом крыльями прошумел, по-разбойничьи свистнул, крикнул грозней прежнего:

— Прячьтесь, не прячьтесь — теперь всегда будет так!

Приуныл петух:

— Охохонюшки... Придётся, курочка-лапушка, нам это дело как-то исправлять! Гребешок возвращать жалко, а вот жемчуга вернуть надо бы... Идём, в травке-то, в муравке их всё-таки поищем...

Но красивые бусинки уже раскатали по своим подземельям, по тайным кладовкам мышки-норушки да ночные землекопы-кроты. И петух с курицей ничего, кроме дождевых червяков, не отыскали ни по первому, ни по второму, ни даже по третьему разу.

Ищут они жемчужинки и теперь. Ищут вместе с цыплятами. А как завидят ястреба, так всем стадом бегут прятаться. А, спрашивается, почему? Да всё лишь потому, что петух и курица один лишь разок, но всё же позавидовали красоте чужой.

Чужой красоте позавидовали, а про свою забыли. Ведь если бы они в самом начале спросили своих собственных цыплят: «Кто краше? Ястреб с гребешком и в ожерелье, или мы — ваши родители, без гребешка и ожерелья?» — то цыплята бы ответили вмиг: «Конечно, вы! И только — вы!»

СОДЕРЖАНИЕ

Чудесный колокольчик

Баба Яга и её внучки Ягобабочки 7
На вольном просторе 21
Девушка-Ель 29
Милые братцы 35
Чудесный колокольчик и бантик для Кикиморы 43
Честные денежки 51
Вострушечка-семилеточка 61
Крепкое желание 67

С кем подружиться мышке?

(Литературная обработка Л. Кузьмина)

Дивный сад — чудесные ворота (из казахских сказок) . . 77
Паренёк, хозяйка и Косматое Чучело (из латышских сказок) 85
Девушка в белой шубке (из дунганских сказок) 93
Ошвердас — медвежий приёмыш (из коми-пермяцких сказок) 105
Счастливые жемчужинки (из таджикских сказок) 112
Девочка-птичка (из адыгейских сказок) 117
Яблоко, плывущее по воде (из туркменских сказок) . . . 121
Пастушок с дудочкой (из уйгурских сказок) 127
Когда обед перекипит, что огню он говорит? (из грузинских сказок) 133
Крепкое враньё (из армянских сказок) 138
С кем подружиться мышке? (из осетинских сказок) . . . 140
Лиса и куропатка (из аварских сказок) 143
Пропавшее ожерелье (из башкирских сказок) 145

Часть средств от продажи этой книги поступает в распоряжение Дома ребенка № 1 г. Перми. Покупая книгу, вы помогаете детям-сиротам.

Технический редактор
А. Иванова

Корректор
Г. Лихачева

Сдано в набор 25.12.92. Подписано в печать 22.04.93.
Формат 70x90 $^{1}/_{16}$. Бум. офсетная № 1 Краснокамской фабрики
Гознака. Гарн. № 1. Печать офсетная.
Условн. печ. л. 11,[redacted] Тираж 150 000 экз. Заказ № 7575. С 7.

Издательство «Урал-Пресс Лтд».
614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

АО «Звезда».
614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «УРАЛ-ПРЕСС»
ПЕРМЬ